

39
34
Академикъ князь И. Р. Тархановъ.

НА ОТВ.

ЭБ

Внушение, гипнотизмъ и чтеніе мыслей.

Съ рисунками.

ЧАСТЬ I.

Бесплатное приложеніе къ № 20 журнала
„ЗНАНІЕ и ЖИЗНЬ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1905.

1000

1000

А 285
137

ЭБ

Академикъ князь И. Р. Тархановъ.

ЧЕ. ПОТЕРЯВАТЬ

НАЛОЖЪ.

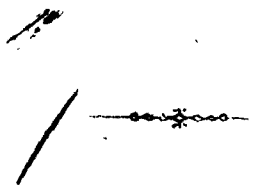
11249
1-58
2643

Внушение, гипнотизмъ

и

чтеніе мыслей.

Съ рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1905.

Дозволено цензурою. Спб., 28 мая 1905 г.

201141679

НА ОТВ.

ЭБ

Глубокоуважаемому

Увану Увановичу

Макавьеву

посвящаетъ

этотъ трудъ

авторъ.

0.07

НА ОТВ.

I.

ГИПНОЗЪ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какое громадное значеніе имѣютъ впечатлѣнія, дѣйствующія на наши органы чувствъ, въ дѣлѣ поддержанія бодрствующаго состоянія нашего сознанія. Чѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ живѣе эти впечатлѣнія, тѣмъ бодрѣе и тѣмъ дѣятельнѣе чувствуемъ мы себя и, наоборотъ: чѣмъ ограниченнѣе и однообразнѣе эти впечатлѣнія, тѣмъ слабѣе и неопредѣленнѣе становится работа нашего сознанія и подъ конецъ даже совершенно прекращается, причѣмъ бодрствующее состояніе замѣняется сномъ.

Каждому извѣстно также изъ ежедневнаго опыта, что условіемъ, благопріятствующимъ наступленію сна, является тишина, отсутствіе внѣшнихъ впечатлѣній; мы инстинктивно устранимъ при этомъ яркій свѣтъ, сильный шумъ и т. д., мѣшающіе наступленію сна.

Штрюмпелль имѣлъ случай наблюдать одного молодого человѣка, страдавшаго всеобщей нечувствительностью кожи, отсутствіемъ обонанія и вкуса, глухотой праваго уха и слѣпотой лѣваго глаза. Такимъ образомъ, впечатлѣнія изъ внѣшняго міра могли до-

ходить до ёго сознанія только чрезъ лѣвое ухо и чрезъ правый глазъ. Стоило ему во время бодрствованія прикрыть только зрячій глазъ и заткнуть слышащее ухо, какъ больной чрезъ двѣ-три минуты погружался въ глубокой, нормальный сонъ.

Аналогичный примѣръ приводитъ проф. И. М. Съченоевъ со словъ проф. С. П. Боткина. Одна больная была лишена всѣхъ чувствъ, за исключеніемъ осязанія и мышечнаго чувства въ правой рукѣ. Жизнь этой больной проходила въ непрерывномъ снѣ, изъ котораго ее пробуждали только раздраженіемъ чувствующей руки и эта же рука служила больной единственнымъ орудіемъ общенія съ людьми и предметами внѣшняго міра. Разбудивъ больную раздраженіемъ чувствующей руки, эту послѣднюю клали на подушку и писали пальцемъ этой руки,водя имъ по подушкѣ, слова задаваемого вопроса; больная тотчасъ давала словесный отвѣтъ. Такимъ только путемъ больной давали, напр., знать, что къ ней пришелъ проф. Боткинъ.

Изъ сказаннаго, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы всякій здоровый человѣкъ, при закрытіи глазъ, при закупоркѣ ушей, при устраненіи раздраженій кожи, языка и носа, немедленно впадалъ въ сонъ, такъ какъ коренныя причины притупленія работы сознанія и наступленія сна кроются, при нормальныхъ условіяхъ, въ физико-химическихъ измѣненіяхъ нервныхъ мозговыхъ центровъ, наступающихъ вслѣдъ за продолжительнымъ бодрствованіемъ ихъ, а не просто только въ отсутствіи внѣшнихъ раздраженій органовъ чувствъ. (Мозгъ, не уставшій еще вслѣдствіе долгой работы, продолжаетъ,

не взирая на полное отсутствие внѣшнихъ впечатлѣній, свою психическую работу, и въ сознаниі нашемъ или невольно, или произвольно воспроизводится рядъ пережитыхъ нами чувствъ, ощущеній и представлений; и дѣло не ограничивается только этой работой воспроизведенія слѣдовъ пережитыхъ нами представлений, но выражается еще и въ новомъ комбинированіи ихъ, въ новыхъ сопоставленіяхъ ихъ, приводящихъ наше сознание къ новымъ выводамъ, къ новымъ взглядамъ на вещи.

Чѣмъ богаче этотъ наличный, внутренній, психическій міръ человѣка, тѣмъ онъ легче, конечно, можетъ поддерживать свое бодрствующее состояніе и помимо всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, и, напротивъ, чѣмъ ограниченнѣе и слабѣе эта внутренняя дѣятельность нашего сознания, тѣмъ все въ большую и большую зависимость становится оно отъ имѣющихся въ это время внѣшнихъ впечатлѣній. Каждый изъ насъ, въ періодъ утомленія мозга, какъ это бываетъ передъ сномъ, попадаетъ въ это положеніе и тогда значеніе внѣшнихъ впечатлѣній въ поддержаніи бодрствующаго состоянія выплываетъ чрезвычайно рѣзко. Въ этомъ случаѣ, также какъ и въ указанномъ примѣрѣ Штрюмпелля и Боткина, нужно бываетъ иногда устранить только свѣтъ, шумъ и т. д., для того, чтобы быстро погрузиться въ сонъ.

Впрочемъ, эта зависимость бодрствованія нашего духа отъ внѣшнихъ впечатлѣній, столь рѣзко выраженная, какъ на больныхъ Штрюмпелля и Боткина, такъ и на всѣхъ утомленныхъ людяхъ, имѣетъ мѣсто,

хотя и не столь очевидно, и у людей здоровых, не-
утомленныхъ, по весьма естественной причинѣ. Во-пер-
выхъ, всякія чувства, ощущенія и представленія, воз-
никающія въ нашемъ сознаниі при непосредственномъ
дѣйствиі объектовъ внѣшняго міра на наши органы
чувствъ, отличаются, несравненно, большей яркостью,
силой, чѣмъ соотвѣтствующіе образы, только воспроиз-
водимые въ нашемъ сознаниі; вслѣдствіе чего первыя
гораздо сильнѣе возбуждаютъ дѣятельность сознания,
вызываютъ въ немъ несравненно болѣе сильную реак-
цію, чѣмъ вторые.

Во-вторыхъ, дѣятельностью нашихъ органовъ чувствъ
вносятся въ сферу сознания такіе психическіе элементы,
изъ которыхъ складываются новыя ощущенія, новыя
представленія, расширяющія его кругозоръ обогащаю-
щія его внутреннее поле зрѣнія и тѣмъ самымъ спо-
собствующія его дальнѣйшей внутренней работѣ; не-
зависимо отъ имѣющихся на лицо внѣшнихъ впечат-
лѣній.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, себѣ человѣка, вы-
сокообразованнаго, попавшаго на цѣлый рядъ лѣтъ въ
заточеніе, сидящаго въ полутемной комнатѣ, вдали отъ
всякихъ впечатлѣній внѣшняго міра, лишеннаго свѣта,
звуковъ, общества и книгъ. Едва ли можно сомнѣваться
въ томъ, что сфера сознания подобнаго узника будетъ
все болѣе и болѣе ограничиваться, представленія, вы-
полняющія поле зрѣнія его сознания, будутъ стираться
постепенно, и грань, отдѣляющая бодрствованіе отъ
сна, будетъ становиться для него все менѣе и менѣе
опредѣленной и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ

превратиться въ такого рода существо, для поддержанія бодрствующаго состоянія котораго необходимы будутъ непосредственныя внѣшнія, ~~свѣтотовныя~~, звуковыя и тому подобныя раздраженія.

Наблюденія надъ многолѣтними узниками дѣйствительно подтверждаютъ только что набросанную нами картину.

Итакъ, мы видимъ, что въ дѣлѣ поддержанія бодрствующаго состоянія нашего сознанія, громадная роль выпадаетъ на долю внѣшнихъ впечатлѣній, падающихъ на наши органы чувствъ; но для этого, какъ это указываетъ опытъ, впечатлѣнія эти должны отличаться разнообразіемъ и сравнительной непродолжительностью, устраняющею всякую возможность утомленія.

Монотонность и продолжительность впечатлѣній можетъ, напротивъ того, служить поводомъ къ рѣзкимъ, болѣзненнымъ перемѣнамъ сознанія и даже къ исчезновенію его, т. е. къ явленіямъ, характеризующимъ такъ называемое гипнотическое состояніе.

Мы здѣсь коснемся лишь тѣхъ сторонъ гипнотическаго состоянія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ интеллектуальной сферѣ человѣка, къ области измѣненія состоянія его сознанія.

Со временъ Месмера и Бреда, въ Европѣ стало извѣстно, что люди переходятъ въ гипнотическое состояніе подъ вліяніемъ продолжительнаго сосредоточиванія своего вниманія на какихъ-нибудь монотонныхъ раздраженіяхъ ихъ органовъ чувствъ. Стоитъ для этого, напр., пристально и продолжительно фиксировать глазами какой-нибудь блестящій предметъ

хотя бы пуговку или граненый кристаллъ, помѣщенный надъ переносицей (рис. 1), или фиксировать даже кончикъ своего носа или глазъ гипнотизатора (рис. 2), или напряженно прислушиваться къ бою часовъ, или подвергаться дѣйствию пассовъ (рис. 3), т. е. равномерныхъ движеній рукъ, проводимыхъ не-

Рис. 1.

редъ глазами и вдоль и вблизи поверхности тѣла, какъ вскорѣ нѣкоторые люди, и въ особенности нервные, погружаются въ гипнотическій сонъ. Необходимымъ условіемъ перехода въ это состояніе является продолжительное сосредоточиваніе вниманія на моно-

тонномъ раздраженіи. Люди разсѣянные, не владѣющіе своимъ вниманіемъ, каковы дѣти до извѣстныхъ лѣтъ и многіе умопомѣшанные, отнюдь не могутъ впасть въ

Рис. 2.

это гипнотическое состояніе, не смотря на все усилія гипнотизатора.

Какими же явленіями въ интеллектуальной сферѣ)
выражается это особенное состояніе человѣка?

Прежде всего бросается въ глаза полная или частичная потеря сознанія и, вслѣдствіе этого, всякихъ произвольныхъ актовъ. Тѣмъ не менѣе, мозгъ подобныхъ людей является крайне воспріимчивымъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, что видно, напр., изъ того, что гипнотики обнаруживаютъ рѣзко выраженную склонность къ подражанію, автоматически выполняютъ безъ запинки даваемыя имъ словесно приказанія, несмотря иногда на ихъ баснословную причудливость; но вся эта работа производится помимо всякаго участія воли гипнотизированнаго. и ни началомъ, ни теченіемъ, ни концомъ своимъ не попадаетъ въ сферу сознанія. По крайней мѣрѣ, разбуженный изъ этого состоянія человѣкъ, въ первый же моментъ своего пробужденія, обыкновенно, вовсе не помнитъ о всемъ томъ, что происходило съ нимъ во время гипноза.

Второй характеристической особенностью гипнотического состоянія является легкость вызова разнообразныхъ иллюзій и галлюцинацій изъ сферы почти всѣхъ органовъ чувствъ, т. е., такъ называемыхъ, насильственныхъ ощущеній и представлений, овладѣвающихъ всецѣло человѣкомъ и выражающихся соотвѣтствующими движеніями или мимикой, или даже рѣчью. Скажите громко и отчетливо загипнотизированному, бессмысленно стоящему человѣку, что передъ нимъ стоитъ левъ, готовый броситься на него, какъ на лицѣ его тотчасъ выразится ужасъ: лицо его блѣднѣетъ, члены его тѣла принимаютъ оборонительную позу, дыханіе рѣзко учащается, сердцебиеніе тоже и т. д. Положите ему хину въ ротъ и скажите, что вещество

это сладкое, и лицо его приметъ выраженіе, сопровождающее обыкновенно ощущенія сладкаго. Вопросы, задаваемые гипнотикамъ, могутъ при томъ вліять на нихъ. не только своимъ содержаніемъ, но и тономъ, которымъ они произносятся. Такъ, если спросить ихъ *веселымъ тономъ* какого цвѣта лошадь, стоящая передъ

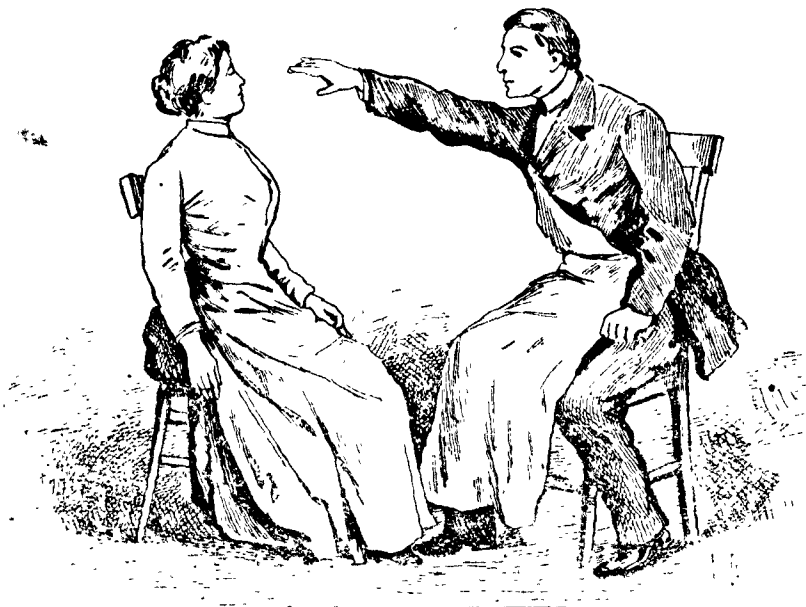

Рис. 3.

ними, то отвѣтъ обыкновенный—бѣлая, гнѣдая и т. д.; если тотъ же вопросъ дѣлается *мрачнымъ тономъ*, то лошадь оказывается черной, темной и т. д.

При вызовѣ разнообразныхъ иллюзій и галлюцинацій наблюдается рѣзкая разница въ эффектахъ

смотря потому, въ какой фазѣ гипноза дѣлается внушеніе. При крайне глубокомъ гипнозѣ всѣ внушенія остаются безо всякаго результата, а равно и при самыхъ слабыхъ степеняхъ его, когда человекъ, не потерявъ еще сознанія, пользуется полнымъ самообладаніемъ. Между этими двумя крайностями располагаются различные періоды гипнотическаго состоянія, въ теченіе которыхъ внушеніе оказывается болѣе или менѣе дѣйствительнымъ. Тутъ, благодаря легкости вызова иллюзій и галлюцинацій, экспериментатору дана возможность направлять, по желанію, какъ самое теченіе идей, такъ и поступковъ гипнотика; но и здѣсь наблюдается рѣзкая разница въ эффектахъ внушенія, смотря по большей или меньшей глубинѣ гипнотическаго состоянія и по индивидуальнымъ особенностямъ гипнотизированнаго лица. У субъектовъ, легко впадающихъ въ гипнозъ, въ начальныхъ фазахъ его бываетъ достаточно вызвать словеснымъ внушеніемъ одну галлюциницію или иллюзію для того, чтобы вслѣдъ за этимъ возникъ цѣлый рядъ ассоціированныхъ съ этими галлюцинаціями представленій, ощущеній, чувствъ, выражающихся какъ въ рѣчи, такъ и въ поступкахъ. Такъ, стоитъ имъ, напр., внушить, что они въ открытомъ морѣ и начинается буря для того, чтобы они вслѣдъ за этимъ начали выражать боязнь за свою жизнь. Стоитъ внушить имъ, что они въ зоологическомъ саду для того, чтобы они тотчасъ начали говорить о львахъ, медвѣдяхъ и другихъ животныхъ, обыкновенно населяющихъ зоологическіе сады, о жизни ихъ, нравахъ и тому подобное, словомъ, о всемъ томъ,

что такъ или иначе связано у нихъ съ представле-
ніемъ о зоологическомъ садѣ, и вся эта неразрывная
цѣпь ассоціированныхъ представлений выступаетъ изъ
психического запаса представлений у этихъ субъек-
товъ. помимо всякаго активного вмѣшательства экспе-
риментатора и только въ силу простого закона ассо-
ціаціи представлений.

Весьма курьезны опыты съ внушеніемъ гипноти-
камъ представлений, имѣющихъ прямое отношеніе къ
ихъ личности. Стоитъ, напр. внушить молодой дѣвушкѣ,
находящейся въ гипнотическомъ состояніи, что она не
дѣвушка, а юноша, и что стоящій передъ нею муж-
чина, есть молодая дѣвушка, какъ гипнотизированная
тотчасъ мѣняетъ свое обращеніе и ведетъ себя по от-
ношенію къ этому послѣднему какъ подобаешь муж-
чинѣ, т. е. съ изысканной вѣжливостью, предупреди-
тельностью и т. д. Очевидно, что навязанная внуше-
ніемъ роль мѣняетъ по ассоціаціи идей весь прежній
внутренній складъ человѣка и вызываетъ то настро-
еніе и ту цѣпь представлений и идей, которыя обычно
связаны съ этой новой навязанной ролью.

Нѣсколько иное наблюдается у людей, труднѣе
впадающихъ въ гипнотическое состояніе и въ болѣе
глубокихъ фазахъ гипноза. Тутъ уже въ силу ослаб-
ленія процесса ассоцірованія идей, экспериментатору
приходится поддерживать теченіе галлюцинаторныхъ
представлений и идей рядомъ послѣдовательныхъ сло-
весныхъ внушеній, обращенныхъ къ гипнотику, при
чемъ экспериментаторъ принимаетъ болѣе активную
роль, тогда какъ гипнотикъ болѣе пассивную и, такъ

сказать, выжидательную роль. Сказанное достаточно ясно и не нуждается въ приведеніи разъяснительныхъ примѣровъ, которыхъ можно было бы привести множество. Ко всему этому необходимо прибавить, что гипнотики по пробужденіи вовсе не помнятъ о томъ, что съ ними происходило во время гипноза и въ рѣдкихъ случаяхъ сохраняютъ объ этомъ лишь очень смутное воспоминаніе.

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что воспримчивость чувствъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ у загипнотизированныхъ въ *изыстной фазѣ* развитія гипноза вполнѣ сохраняется, а по свидѣтельству Бергера *въ начальныхъ періодахъ гипноза*, когда сознание не бываетъ еще вполнѣ утрачено, *нѣкоторые субъекты* обнаруживаютъ даже крайне повышенную воспримчивость кожи, слуха, зрѣнія и мышечнаго чувства, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Чувство давленія на кожу, а также и способность улавливать кожей малѣйшія колебанія температуры крайне повышаются. Способность опредѣленія двойственности прикасанія ножекъ Веберовскаго циркуля крайне изощряется, такъ какъ можно сдвигать ножки этого циркуля въ 6 или 10 разъ больше противу нормы, безъ исчезанія ощущенія двойственнаго касанія; другими словами, осязательные круги уменьшаются въ 6 и 10 разъ сравнительно съ нормальнымъ состояніемъ ихъ до гипноза. Повышеніе тактильнаго и мышечнаго чувства при гипнозѣ даетъ, какъ на это указалъ уже давно Бредъ, возможность правильно и хорошо писать на бумагѣ совершенно закрытой отъ

глазъ пишущаго. Бой часовъ они могутъ слышать на разстоянiяхъ въ нѣсколько разъ большихъ, чѣмъ при нормальномъ состоянiи, а что касается до зрѣнiя, то оно обостряется у нихъ на столько, что гипнотики могутъ въ полутемной комнатѣ читать такой мелкiй шрифтъ, котораго они въ обыкновенномъ состоянiи, подобно остальнымъ здоровымъ людямъ, вовсе не въ состоянiи разобрать.

Что дѣло можетъ не ограничиваться только обостренiемъ осязанiя, слуха, зрѣнiя, мышечнаго чувства, но и обонянiя, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому могутъ служить слѣдующiя наблюденiя Брэда. Такъ, нѣкоторые гипнотики, находясь въ большомъ обществѣ, и съ завязанными глазами, могли находить знакомыхъ имъ личностей, руководясь однимъ только обонянiемъ: по запаху перчатки или платка (вовсе, конечно, въ этомъ случаѣ не надушенныхъ) они открывали личность, которой принадлежали эти вещи. Понюхавъ перчатку или платокъ, гипнотикъ дѣлалъ кругъ комнаты и безъ запинки подносилъ ихъ собственнику, и все это безъ всякаго касанiя къ этому послѣднему. Послѣ закупорки наружныхъ носовыхъ отверстiй, подобнаго рода опыты никогда не удавались.

Замѣчательно, что и опредѣленныя мышечныя ощущенiя, обусловленныя положенiемъ членовъ, т. е. рукъ, ногъ, головы и т. д. служатъ поводомъ къ вызову въ гипнотикахъ того или другаго настроенiя, выражающагося игрой мимики и позой всего тѣла. Такъ, если приподнять голову гипнотика, то лицо его принимаетъ такое выраженiе, а тѣло такую позу, которыя соотвѣт-

ствують горделивому настроенію, повышенному чувству собственного достоинства; если же наоборот пригнуть голову къ груди, то весь складъ тѣла и лица начинаетъ выражать приниженное состояніе духа; если поставить гипнотика на колѣни и сложить ему руки на груди— то лицо его принимаетъ выраженіе молящагося человека и, наконецъ, если сложить ему ладонь въ кулакъ и вытянуть руку, то лицо его принимаетъ грозный видъ человека, готоваго вступить въ бой. Факты эти, давнимъ давно указанные Брэдомъ и подтвержденные не разъ послѣдующими изслѣдователями, ясно доказываютъ до какой степени легко вызываются въ мозгу гипнотиковъ насильственныя представленія, насильственное настроеніе, подъ вліяніемъ даже такихъ слабыхъ центростремительныхъ возбужденій, каковы возбужденія изъ сферы мышечнаго чувства.

До остальныхъ явленій гипнотическаго состоянія, каковы, напр., каталептическое состояніе мышцъ, наклонность къ судорогамъ, повышенная рефлекторная раздражительность и т. д., я не стану касаться здѣсь подробно, такъ какъ явленія эти не относятся прямо къ интересующей насъ задачѣ, а именно къ измѣненіямъ въ интеллектуальной сферѣ, наблюдаемымъ у гипнотиковъ.

Тѣмъ не менѣе, укажу на одинъ въ высшей степени поразительный опытъ, продѣлываемый профессиональными гипнотизерами на человекѣ, благодаря страшно повышенной рефлекторной возбудимости нервномышечной системы у гипнотиковъ и наклонности мышцъ къ судорогамъ и каталептическому состоянію: усыпивъ человека, магнетизеръ легкимъ погла-

живаніемъ по всему тѣлу, пассами вызываетъ тетаническое сокращеніе всѣхъ мышцъ тѣла и послѣднее обращается въ твердое неуступчивое тѣло, которое головой укладывается на край одного стула, а пятками на край другого; тѣло перекинута такимъ образомъ мостомъ между обѣими стульями и на животъ его становится экспериментаторъ (см. рисун.). Опытъ этотъ, однако, небезопасенъ въ виду того, что и дыхательныя мышцы могутъ быть подъ конецъ вовлечены въ тетаническое сокращеніе и черезъ это могла бы произойти остановка дыханія. Изъ этого столбняка гипнотизеръ приводитъ въ чувство гипнотизированнаго субъекта рѣзкимъ ударомъ по рукѣ, ногѣ и дуновеніемъ въ лицо (рис. 4).

Что же слѣдуетъ изъ всего этого краткаго обзора психическихъ измѣненій, характеризующихъ гипнотическое состояніе?

Мы видимъ прежде всего, что у гипнотизированныхъ людей парализируется въ большей или меньшей степени самосознаніе и воля и вслѣдствіе этого исключается вся область произвольныхъ движеній. Черезъ это они являются автоматами, безсознательно и безпрекословно подчиняющимися всякимъ приказаніямъ, вызывающимъ въ нихъ насильственные, какъ чувственныя, такъ и двигательныя представленія.

Тѣ и другія, вслѣдствіе крайней интенсивности своей, обнаруживаютъ рѣзкую наклонность къ эксцентрическому распространенію на соотвѣтствующіе периферическіе чувствующие и двигательные приборы.

Въ первомъ случаѣ даны всѣ условія для объективированія чувственныхъ представленій во ви́шній міръ, и гипнотики какъ бы видятъ, слышатъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ, т. е. впадаютъ въ галлюцинаціи и иллюзіи; во второмъ же—они производятъ группы движеній, соотвѣтствующія навязаннымъ имъ двигательнымъ представленіямъ. Движенія эти, будучи вовсе произвольными, неразрывно связаны съ насильственными двигательными представленіями и обусловливаются исключительно ими. Эти бессознательныя движенія, съ которыми мы будемъ имѣть еще дѣло впоследствии и наблюдаемья у здоровыхъ людей въ самой зачаточной формѣ, были удачно названы Карпентеромъ *идеомоторными* движеніями, въ отличіе отъ произвольныхъ и чисто рефлекторныхъ движеній.

Спрашивается теперь, возможно ли допустить, что бы при отсутствіи *сознанія*, при отсутствіи воли, характеризующихъ гипнотическое состояніе, въ мозгу человѣка могли возникать какія бы то ни было чувствующія или двигательныя представленія? Вѣдь сознаніе, можетъ замѣтить каждый, и представляетъ собою ни что иное, какъ совокупность одновременно имѣющихся налицо представленій о предметахъ и явленіяхъ, какъ ви́шняго міра, такъ и внутренняго — присущаго намъ; слѣдовательно, если существуютъ представленія, то должно быть и сознаніе и наоборотъ: тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія, не можетъ быть и представленій?

Постараюсь отвѣтить на это прежде всего общепонятнымъ примѣромъ. Никто изъ васъ не сомнѣвается,

конечно, въ томъ, что спящій глубокимъ сномъ чело-
вѣкъ лишень сознанія, лишень воли, а между тѣмъ
кому неизвѣстно, что въ мозгу спящаго человѣка

Рис. 4.

могутъ возникать самыя разнообразныя и при томъ
очень ясныя, хотя и отрывочныя представленія, вхо-
дящія въ составъ подчасъ чрезвычайно живыхъ сно-

видѣній; при чемъ представленія эти являются даже намъ въ гораздо болѣе яркой и отчетливой формѣ во время сна, чѣмъ тѣ, которыя мы въ состояніи воспроизвести въ сознаниі нашемъ въ бодрствующемъ состояніи. Очевидно, что возникновеніе въ мозгу нашемъ одного или нѣсколькихъ отрывочныхъ представлений еще вовсе не влечетъ за собою пробужденія нашего сознаниа, такъ какъ послѣднее поддерживается въ дѣйствительности цѣлымъ непрерывнымъ потокомъ разнообразныхъ возбужденій, проносящихся по психической рефлекторной дугѣ и вызывающихъ сочетанную дѣятельность разнообразныхъ психическихъ центровъ, расположенныхъ въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій.

Для возможности существованія сознаниа необходимымъ условіемъ является именно эта разнообразно сочетанная дѣятельность мозговыхъ центровъ, цѣлый потокъ ассоціированныхъ между собою ощущеній и представлений, борьба ихъ между собою, результатомъ которой является то или другое волевое рѣшеніе. Припомните въ самомъ дѣлѣ, что дѣлается съ вами при засыпаніи. Поле зрѣнія вашего сознаниа все болѣе и болѣе суживается; чувства, ощущенія, представленія, проносящіяся въ вашемъ сознаниі, постепенно рѣдѣютъ и сообразно съ этимъ слабѣетъ и ограничивается область сознаниа. Какъ только потокъ возбужденій, проносящихся по психической дугѣ, вслѣдствіе все большей и большей усталости мозговыхъ центровъ, прекращается, такъ бодрствующее состояніе уступаетъ мѣсто сну и сознание исчезаетъ.

Такое же прекращеніе потока возбужденій, проносающагося по психической дугѣ, мы наблюдаемъ и въ гипнотическомъ состояніи, но только причины этого прекращенія иныя чѣмъ тѣ, которыя обусловливаютъ наступленіе нормальнаго сна, и разность причинъ объясняется и разница этихъ двухъ состояній.

Какъ же объясняются главныя, представленныя нами выше явленія, характеризующія гипнотическое состояніе?

Чтобы дать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мнѣ придется начать дѣло нѣскольکو издали, а именно—съ изложенія характера процессовъ, протекающихъ въ мозговыхъ центрахъ при ихъ дѣятельности и покоѣ.

Изъ физиологіи намъ извѣстно, что въ основѣ явленій возбужденія нервныхъ центровъ, будутъ ли это центры чисто двигательные или центры ощущеній и представленій, лежитъ особая форма жизненнаго молекулярнаго движенія, которое, распространяясь эксцентрически до мышцъ, даетъ движеніе, а распространяясь до чувствующихъ периферическихъ аппаратовъ, вызываетъ объективированіе опредѣленныхъ ощущеній и представленій. Другими словами, возникновеніе двигательныхъ импульсовъ въ нервныхъ центрахъ, а равно и ощущеній и представленій въ чувствующихъ центрахъ коры мозговыхъ полушарій, обусловливается жизненнымъ движеніемъ молекулъ протоплазмы этихъ центровъ и связанныхъ съ ними чувствующихъ и двигательныхъ нервовъ. Природа этого молекулярнаго движенія изучена физиологами.

съ достаточной точностью и уже точно опредѣлены волнообразный характеръ этого молекулярнаго движенія и скорость, съ которой оно распространяется по длинѣ нервовъ и связанныхъ съ ними центровъ.

Нервные образования, заложенные въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій, какъ въ органѣ всѣхъ психическихъ явленій, слѣдуетъ поэтому себѣ представлять при бодрствованіи организма, пронизанными потокомъ молекулярнаго движенія, идущаго въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Благодаря тому, что нервные центры, какъ чувствующие, такъ и двигательные, представляютъ самыя разнообразныя сочетанія между собою, токи этого молекулярнаго движенія могутъ встрѣчаться и усиливаться въ одномъ случаѣ и, напротивъ того, ослабѣвать и даже уничтожаться въ другомъ.

На эти-то послѣднія явленія ослабленія или исчезанія молекулярнаго движенія, именуемая въ наукѣ явленіями угнетенія дѣятельности нервныхъ центровъ, я и обращаю вниманіе ваше какъ на вторую главную, характеристическую черту процессовъ, протекающихъ въ центральной нервной системѣ. Явленія угнетенія являются, по сути своей, какъ разъ прямой противоположностью явленіямъ возбужденія нервныхъ центровъ и, слѣдовательно, если послѣднія лежатъ въ основѣ возникновенія двигательныхъ импульсовъ, ощущеній и представлений, то явленія угнетенія должны выражаться прекращеніемъ тѣхъ и другихъ. Такихъ примѣровъ угнетенія нервныхъ актовъ намъ уже извѣстно не мало, и я укажу здѣсь лишь на нѣкоторые наиболѣе характерные случаи.

Если раздражать одинъ изъ нервовъ, подходящихъ къ сердцу, то періодически бьющееся сердце перестаетъ биться; другими словами, центры ритмическихъ сокращеній, заложенные въ стѣнкахъ сердца, угнетаются возбужденіемъ, подходящимъ къ нимъ чрезъ блуждающіе нервы.

Если опустить заднія лапки лягушки въ слабый растворъ кислоты, то она, естественно, вынимаетъ изъ нее свои лапки и тѣмъ скорѣе, чѣмъ она раздражительнѣе и чѣмъ крѣпче растворъ кислоты. Но стоитъ начать раздражать среднія части головного мозга солью или электрическимъ токомъ, какъ этого отраженного выниманія лапокъ вы уже болѣе не замѣчаете, такъ какъ центры головного мозга при своемъ возбужденіи, посылая импульсы къ центрамъ отражательнымъ спинного мозга, задерживаютъ, т. е. угнетаютъ ихъ отражательную функцію. Аналогичное явленіе уже вамъ извѣстно изъ личного опыта на самомъ себѣ. На неожиданный уколъ или ожогъ вашего пальца вы несомнѣнно реагируете отраженнымъ движеніемъ отдергиванія пальца отъ источника раздраженія; но вы можете задержать это движеніе усиленіемъ вашей воли; въ этомъ случаѣ воля является раздражителемъ, угнетающимъ дѣятельность отражательныхъ центровъ спинного мозга.

Возьмите совершенно обезглавленную утку, производящую рядъ автоматическихъ плавательныхъ движеній, и прикоснитесь слегка къ кожѣ спины — движенія моментально прекращаются вслѣдствіе отраженного угнетенія спинно-мозговыхъ центровъ плавательныхъ движеній этимъ новымъ возбужденіемъ, исходя-

щимъ изъ кожи спины; по удаленіи этого послѣдняго раздраженія плавательныя движенія вновь возста-
вляются.

Лягушка, лишенная полушарій мозга, при всякомъ дотрагиваніи до кожи спины издаетъ звукъ кваканія; если сжать ей ножку, то тоже дотрагиваніе остается безъ всякаго эффекта; а тутъ очевидно сжатіе ноги обуславливаетъ новое возбужденіе, угнетающее дѣятельность центровъ голосового аппарата у лягушки.

Выньте изъ позвоночника лягушки спинной мозгъ съ продолговатымъ и соедините точку поперечнаго сѣченія послѣдняго и точку продольной поверхности спинного мозга съ чувствительнымъ гальванометромъ, улавливающимъ самые слабыя электрическіе токи. Мозгъ этого холоднокровнаго животнаго не помираетъ тотчасъ, а продолжаетъ въ теченіе нѣкотораго времени развивать періодическіе, нервные импульсы, отклоняющіе стрѣлку гальванометра назадъ и вновь возвращающуюся по прекращеніи импульса. Такимъ образомъ колебательныя движенія стрѣлки служатъ выраженіемъ періодическихъ нервныхъ разрядовъ въ сферѣ центровъ продолговатаго мозга. Если сильно раздражать какой-нибудь нервъ, связанный со спиннымъ мозгомъ, то эти періодическіе разряды прекращаются на все время раздраженія нерва. Изъ этого опыта профессора Сѣченова несомнѣнно слѣдуетъ, что нервное возбужденіе можетъ быть задержано, угнетено въ самомъ нервномъ центрѣ.

Изъ ряда приведенныхъ примѣровъ вытекаетъ то заключеніе, что въ сферѣ нервныхъ центровъ кромѣ

явленій возбужденія протекають и явленія угнетенія или задержанія ихъ функцій. Чтобы еще болѣе приблизиться къ интересующей насъ задачѣ, намъ слѣдуетъ доказать, что и въ сферѣ центровъ головного мозга одни центры могутъ оказывать угнетающее дѣйствіе на дѣятельность другихъ. Къ счастью примѣры подобнаго рода имѣются на лицо.

Если, какъ я это дѣлалъ, вскрыть головной мозгъ у щенка, т. е. обнажить полушарія головного мозга и найти ту двигательную площадь, минимальное раздраженіе которой вызываетъ мѣстныя опредѣленные движенія въ накрестъ лежащей конечности, то при поднесеніи куска мяса близко къ носу собаки то же раздраженіе двигательной площади остается безъ всякаго эффекта. Въ этомъ случаѣ одновременное возбужденіе мясомъ обонятельныхъ и зрительныхъ центровъ подѣйствовало угнетающимъ образомъ на дѣятельность сосѣднихъ двигательныхъ центровъ сѣрой коры мозговыхъ полушарій. Другими словами, возбужденіе органовъ чувствъ ослабляетъ или угнетаетъ возбудимость двигательныхъ центровъ сѣрой коры полушарій мозга, т. е. усиливаетъ въ нихъ явленія угнетенія.

Гейденгайнъ и Бубновъ нашли, что у собакъ въ извѣстномъ періодѣ отравленія морфіемъ, когда обычныя внѣшнія впечатлѣнія не доходятъ до коры мозговыхъ полушарій, раздраженіе двигательныхъ площадей сѣрой коры полушарій вызываетъ рѣзкія и притомъ тоническія сокращенія, длящіяся и по прекращеніи раздраженія; если во время существованія этихъ сокращеній, зависящихъ отъ раздраженія мозговыхъ

центровъ, подвергнуть слабому раздраженію другія точки сѣрой коры непосредственно или посредственно черезъ возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ, напр., кожи, глаза, уха, то движенія эти моментально прерываются и задерживаются, и животное переходитъ въ покойное состояніе. Эффектъ этотъ очевидно обусловливается угнетеніемъ дѣятельныхъ, двигательныхъ центровъ слабыми раздраженіями остальныхъ центровъ сѣрой коры.

Слабыя возбужденія органовъ чувствъ являются такимъ образомъ условіемъ, поддерживающимъ въ центральной нервной системѣ явленія угнетенія, регулируюція и уравнивающія въ нихъ явленія возбужденія. Поэтому, при устраненіи возбужденій, доставляемыхъ органами чувствъ, явленія возбужденія, вызываемыя въ сферѣ нервныхъ центровъ, обнаруживаютъ сильную склонность къ быстрому распространенію, и раздраженіе, напр., какой-нибудь двигательной площади сѣрой коры распространяется на всю почти массу остальныхъ двигательныхъ центровъ и разрѣшается общимъ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ, который получается несравненно труднѣе въ случаѣ, если животное находится въ полномъ обладаніи своихъ органовъ чувствъ и получаетъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра.

При этомъ замѣчена была слѣдующая особенность вліянія слабыхъ раздраженій органовъ чувствъ на дѣятельность мозговыхъ центровъ. Въ случаѣ, если эти раздраженія застаютъ, напр., двигательные центры полушарій въ состояніи дѣятельности, то слабыя внѣшнія

впечатлѣнія дѣйствуютъ, какъ мы видѣли, угнетающимъ образомъ; въ случаѣ же, если центры находятся въ состояніи покоя, они вызываютъ ихъ дѣятельность, т. е. всякое слабое раздраженіе органовъ чувствъ усиливаетъ въ нервныхъ центрахъ тѣ явленія, которыя бывають въ это время въ нихъ слабо развиты; въ покоящейся клѣткѣ—явленія возбужденія а въ дѣятельной—явленія угнетенія. И высказанное положеніе вѣрно не только для дѣятельности центровъ головного мозга, но и центровъ спинного мозга, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго.

Обезглавленная утка, какъ уже вамъ извѣстно, производитъ рядъ періодическихъ плавательныхъ и летательныхъ движеній. Если во время покоя ея, вы дунете на нее или прикоснетесь къ ней, то она тотчасъ начинаетъ двигаться; если же наоборотъ вы дунете или прикоснетесь къ ней во время движенія, то она остановится. Тутъ и рѣчи не можетъ быть о вмѣшательствѣ въ дѣло какихъ-нибудь психическихъ моментовъ, такъ какъ таковые не признаются вовсе за центрами спинного мозга. Очевидно, что дѣло тутъ въ простомъ нервномъ вліяніи одного центра на дѣятельность другого.

Изъ сказаннаго пока вытекаетъ, что въ сферѣ нервныхъ центровъ вообще и центровъ головного мозга въ частности протекають параллельно двоякаго рода явленія: явленія возбужденія и явленія угнетенія, находящіяся въ постоянномъ взаимодействіи; явленія эти сочетаясь другъ съ другомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и ограничивая другъ друга, даютъ

въ результатѣ нормальную, извѣстную намъ картину нервной психической дѣятельности.

Воля, какъ особая психическая сила, и пользуется обѣими категоріями явленій, въ одномъ случаѣ для вызова тѣхъ или другихъ отправленій, въ другомъ— для подавленія или задержанія ихъ.

Устраненіе всей суммы слабыхъ внѣшнихъ впечатлѣній естественно влечетъ за собою ослабленіе явленій угнетенія въ сферѣ нервныхъ центровъ и преобладаніе явленій возбужденія, крайне повышающихъ возбудимость центровъ. При этомъ всякія центральныя возбужденія, не встрѣчая противовѣса въ явленіяхъ угнетенія, обнаруживаютъ наклонность къ болѣе сильнымъ и распространеннымъ проявленіямъ, чѣмъ это наблюдается при нормальномъ состояніи. Запасшись этими общими свѣдѣніями, мы можемъ приступить и къ выясненію главныхъ перечисленныхъ уже нами явленій, характеризующихъ гипнотическое состояніе, и прежде всего остановимся на вопросѣ о томъ, какъ развивается это состояніе?

Всѣ приемы, употребляемые съ цѣлью переведенія человѣка въ гипнотическое состояніе, сводятся, какъ вы помните, на фиксированіе его вниманія на какихъ-нибудь монотонныхъ впечатлѣніяхъ или слуха, или глазъ, или кожи, и т. д. При напряженномъ фиксированіи, напр., блестящаго шарика, человѣкъ мало по малу, какъ бы устраняется отъ всѣхъ остальныхъ впечатлѣній внѣшняго міра, объединяется и наконецъ совершенно отдѣляется отъ нихъ; существуетъ моментъ, когда кромѣ блестящаго шарика для сознанія чело-

вѣка уже не существуетъ ничего болѣе въ окружающей его средѣ; но вскорѣ и этотъ зрительный образъ угасаетъ вслѣдствіе переутомленія зрительнаго аппарата и тогда наступаетъ полная, если можно выразиться, психическая тьма; сознание, вслѣдствіе отсутствія потока возбужденій изъ внѣшняго міра черезъ психическую дугу, изсякаетъ, а чрезъ это и воля, какъ результатъ психическихъ функций. Отсюда полная неподвижность гипнотиковъ и отсутствіе въ нихъ самыхъ слабыхъ слѣдовъ воли и произвольныхъ актовъ.

Въ какомъ состояніи, спрашивается, находятся мозговые центры въ этомъ состояніи?

На основаніи, вышеприведенныхъ фактовъ можно точно предсказать это состояніе. Такъ какъ до коры мозговыхъ полушарій не доходятъ во время полного гипноза обычныя слабыя впечатлѣнія внѣшняго міра, завѣдующія, какъ мы видѣли, явленіями умѣренія, угнетенія дѣятельности мозговыхъ центровъ, то возбудимость ихъ въ высокой степени повышается вслѣдствіе полного господства въ нихъ явленій возбужденія, не находящихъ противовѣса въ явленіяхъ задержанія.

Между людьми въ этомъ состояніи и морфинизированными собаками, у которыхъ обычныя впечатлѣнія внѣшняго міра также не доходятъ до коры мозговыхъ полушарій, существуютъ поэтому рѣзкія аналогіи со стороны напр. явленій, наблюдаемыхъ на двигательномъ аппаратѣ. Такъ у собакъ этихъ наблюдается рѣзкая склонность къ судорожнымъ сокращеніямъ,

къ столбнякамъ при раздраженіи двигательныхъ нервныхъ механизмовъ; то же самое наблюдается и у гипнотиковъ: если сжать имъ ротъ, сжать руку въ кулакъ и вызвать сокращеніе соответственныхъ мышцъ поглаживаніемъ кожи, то гипнотики не въ состояніи разжать ни своего рта, ни кулака. Какъ у собаки дуновеніемъ, холодомъ или ударомъ можно прервать эти контрактуры, такъ точно и у гипнотиковъ дуновение или ударъ по рукѣ уничтожаетъ мышечную судорогу, и ротъ расслабѣваетъ такъ же, какъ и кулакъ.

И у гипнотиковъ, слѣдовательно, наблюдается противоположное дѣйствіе кожныхъ раздраженій: при поскобѣ субъекта поглаживаніе кожи вызываетъ тетаническое сокращеніе мышцъ, тогда какъ при дѣятельномъ состояніи тѣ же кожныя раздраженія, но только болѣе сильныя, вызываютъ расслабленіе мышцъ. И тутъ замѣчается крайняя наклонность мѣстныхъ движеній распространяться на всѣ мышцы тѣла и давать картину общихъ судорогъ, подобныхъ эпилептическимъ судорогамъ морфинизированныхъ собакъ. Всѣ эти проявленія, въ двигательной сферѣ обусловленныя ненормальною высокою возбудимостью нервныхъ центровъ, не умѣряемой явленіями угнетенія, точно также быстро исчезаютъ при внѣшнемъ раздраженіи органовъ чувствъ: слуха—сильнымъ звукомъ, кожи—ударомъ и т. д., при чемъ контрактуры исчезаютъ.

И чувствующие, т. е. сензорные центры коры мозговыхъ полушарій—центры ощущеній и представленій, впадаютъ при гипнозѣ въ состояніе подобное тому, въ какомъ находятся и двигательные центры; въ нихъ

также явленія возбужденія берутъ перевѣсъ надъ явленіями угнетенія, вслѣдствіе чего возбудимость ихъ крайне повышается; поэтому, разъ достигшее до нихъ впечатлѣніе вызываетъ усиленную и распространенную ихъ дѣятельность, сказывающуюся въ легкомъ вызовѣ насильственныхъ галлюцинацій и въ распространеніи этихъ возбужденій чрезъ нервы на мышцы; это послѣднее обстоятельство и обуславливаетъ рядъ автоматическихъ движеній, соотвѣтствующихъ вызванному галлюцинаціямъ. Всѣ эти навязанныя галлюцинаціи со связанными съ ними автоматическими движеніями подобно контрактурамъ мгновенно разсѣиваются и прекращаются при болѣе сильномъ внѣшнемъ раздраженіи чувствъ, при дуновеніи, при ударѣ по рукѣ и т. д., вслѣдствіе вызываемаго этими раздраженіями угнетенія, расслабленія чувствующихъ психическихъ центровъ мозга.

Мы видимъ такимъ образомъ, что для прекращенія контрактуръ, галлюцинацій и иллюзій, вызванныхъ въ гипнотическомъ состояніи, требуются отрывочныя болѣе сильныя раздраженія органовъ чувствъ, въ формѣ дуновенія, удара, сильнаго звука, не связанныя съ какими бы то ни было отчетливыми представленіями т. е. такія простыя неопредѣленные раздраженія, которыя дѣйствуютъ, такъ сказать, только въ качествѣ физическихъ раздражителей нашихъ органовъ чувствъ. Возбужденія, вызываемыя ими, доносясь до мозговыхъ двигательныхъ или чувствующихъ психическихъ центровъ, находящихся въ дѣятельномъ состояніи, усиливаютъ въ нихъ явленія угнетенія и вызываютъ при

Достаточной силѣ полное ихъ расслабленіе, т. е. уничтоженіе контрактуръ и прекращеніе галлюцинацій. При еще болѣе сильномъ раздраженіи дѣло не ограничивается этимъ, и субъектъ пробуждается отъ гипноза.

Приведенныя соображенія необходимы для того, чтобы понять почему средніе по своей силѣ *звуки словеснаго внушенія* обусловливаютъ не пробужденіе отъ гипноза, а возникновеніе соотвѣтствующихъ этому внушенію иллюзорныхъ и галлюцинаторныхъ представлений. Прежде всего звуки эти, какъ простые физическіе раздражители, недостаточно сильны для вызова пробужденія и затѣмъ, выражая собою опредѣленные представленія, обозначаемыя соотвѣтствующими словами, они, достигая до мозга гипнотика, вызываютъ усиленную одностороннюю дѣятельность соотвѣтствующихъ мозговыхъ центровъ и затрачиваются всецѣло на вызовъ опредѣленныхъ галлюцинацій и иллюзій, достигающихъ, какъ извѣстно, громадной силы; эта односторонняя затрата звукового возбужденія словеснаго внушенія и предотвращаетъ возможность разлитого возбужденія всѣхъ мозговыхъ центровъ, лежащаго въ основѣ пробужденія. Мнѣ и кажется поэтому весьма вѣроятнымъ, что съ какой бы силой голоса ни дѣлалось словесное внушеніе, въ результатѣ получится сильная галлюцинація или иллюзія, а не пробужденіе сознанія, тогда какъ неопредѣленный, внезапный, хотя и менѣе сильный звукъ, можетъ обусловливать не галлюцинацію, а пробужденіе отъ гипноза. Къ сожалѣнію, по сіе время не существуетъ, на сколько мнѣ извѣстно, опытныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи.

Попытаюсь представить сказанное въ болѣе образной формѣ. Представьте себѣ загнипнотизированнаго человѣка, до мозга котораго не доходятъ обычные слабыя и средней силы впечатлѣнія внѣшней среды. Во внутреннемъ психическомъ полѣ зрѣнія его существуетъ, если можно такъ выразиться, полная тьма, полная тишина. Если громко сказать ему, что передъ нимъ бѣшеный волкъ, готовый броситься на него, то, благодаря крайней возбудимости его центровъ ощущеній и представлений, въ немъ быстро возникнетъ представление о волкѣ и связанное съ этимъ представление о грозящей опасности; представление это, какъ единственное во внутренней психической сферѣ и не умѣряемое, т. е. не задерживаемое другими воспріятіями изъ внѣшняго міра, дѣлается преобладающимъ, овладѣваетъ всѣмъ существомъ его и, въ силу эксцентрическаго распространенія центральныхъ возбужденій, вовлекаетъ въ одновременную ассоцірованную дѣятельность и мышцы лица, выражающія ужасъ и мышцы туловища и конечностей, принимающія оборонительную или наступательную позу; отсюда рядъ невольныхъ, мимическихъ и автоматическихъ движеній.

Насколько могутъ быть сильны внушенныя представленія, вызываемыя въ состояніи гипноза, свидѣтельствомъ тому можетъ служить фактъ, приводимый Шарлемъ Рише и констатированный многими свидѣтелями. Загнипнотизировавъ человѣка, онъ заявилъ, что онъ ему сейчасъ отрубить руку. Этого было достаточно, чтобы вызвать моментально полный обморокъ загнипнотизированнаго субъекта съ остановкой сердца и т. д., изъ

*

котораго едва-едва можно было привести его въ чувство.

Многія полагають, что въ явленіяхъ внушенія сильно замѣшана симуляція, т. е., что загипнотизированный поддѣляется подъ требованія внушенія, нарочно примѣняется къ нимъ путемъ волевого усилія и какъ бы обманываетъ наблюдателя. Но противъ этого особенно сильно говорятъ явленія, наблюдаемыя надъ сердцемъ. Оно, какъ это видно, изъ приведеннаго наблюденія Шарля Ришэ, можетъ даже останавливаться, чего конечно не въ силахъ сдѣлать воля. Кромѣ того, по наблюденіямъ проф. Бони, загипнотизированные могутъ по приказанію замедлять сердцебіенія, и вызывать временныя остановки, т. е. дѣлать то, чего не въ силахъ производить воля. Правда, ускорители сердцебіеній встрѣчаются изрѣдка между людьми, какъ ~~на~~ это уже было указано мною въ медицинской литературѣ; но истиннаго замедлителя и задерживателя сердцебіеній еще не было обнаружено, а потому замедленія и остановки сердцебіеній, вызываемыя у гипнотизированныхъ, прямо говорятъ противъ предположенія о симуляціи, какъ приемъ, пускаемомъ въ ходъ гипнотиками при выполненіи внушенныхъ приказаній.

Очевидно, что навязанное во время гипноза представленіе извнѣ всецѣло овладѣваетъ всѣмъ внутреннимъ міромъ человѣка, онъ дѣлается жертвой этого представленія, умѣреніе и поправка котораго немыслимы вслѣдствіе полного отсутствія какихъ-либо другихъ воспріятій изъ внѣшняго міра, которыми че-

ловѣкъ могъ бы убѣдиться въ полной недѣйствительности, т. е. въ галлюцинаторномъ характерѣ навязаннаго представленія. Вѣдь и въ нормальномъ состояніи мы постоянно провѣряемъ одни ощущенія, одни представленія показаніями другихъ органовъ чувствъ и только этимъ путемъ научаемся строго распознавать образы дѣйствительности отъ образовъ фантазіи. Этого то контроля, этого то умѣряющаго дѣйствія однихъ воспріятій на другія въ гипнозѣ не существуетъ, вслѣдствіе чего сила галлюцинаторныхъ образовъ достигаетъ громадной высоты, и они, по закону ассоціаціи, увлекаютъ въ дѣятельность какъ другіе связанные съ ними психическіе центры ощущеній и представленій, такъ и двигательные центры, съ возбужденіемъ которыхъ неразрывно связанъ рядъ автоматическихъ движеній.

II.

ВНУШЕНІЕ.

Отсюда уже естественъ для насъ переходъ къ явленіямъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ названіемъ *внушенія* и сводящимся въ сущности къ тому, что экспериментаторъ отчетливыми словами, обращенными къ человѣку, находящемуся въ гипнотическомъ состояніи, внушаетъ ему тѣ или другія идеи, выполненіе которыхъ назначается на будущее болѣе или менѣе отдаленное время, съ точнымъ указаніемъ времени и мѣста, когда долженъ быть выполненъ тотъ или другой актъ. Такимъ образомъ могутъ быть по видимому внушены идеи, мысли, съ виду крайне невыполнимыя, неестественныя, совершенно несообразныя съ общественнымъ положеніемъ человѣка, съ его развитіемъ и характеромъ. Такъ интеллигентному человѣку средняго класса, развитому и доброму могутъ быть внушены идеи къ совершенію въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ поступковъ низкихъ, грубыхъ и злыхъ, несомвѣстимыхъ со всѣмъ его нормальнымъ внутреннимъ складомъ жизни.

Человѣкъ, подвергнувшійся внушенію, послѣ просыпанія отъ гипноза, въ громадномъ большинствѣ

случаевъ вовсе не помнить и не имѣеть ни малѣйшаго представленія о томъ, что происходило съ нимъ во время гипнотическаго состоянія, а также и о внушенныхъ ему въ этомъ состояніи идеяхъ. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія времени, т. е. мѣсяца, дня и часа, на которые внушено было совершеніе извѣстнаго поступка, человѣкъ, повидимому во всѣхъ отношеніяхъ нормальный, начинаетъ, въ силу неизвѣстныхъ ему мотивовъ, приготовляться къ совершенію внушеннаго ему дѣйствія и выполняетъ его безпрекословно, не смотря на всѣ, какъ внѣшнія неудобства, такъ и внутреннюю борьбу, въ положенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ. На вопросъ о томъ, почему онъ намѣренъ сдѣлать ту или другую внушенную ему несообразность, не смотря на всѣ доводы, указывающіе ему нелѣдность предпринимаемаго имъ дѣйствія, отвѣтъ бываетъ одинъ, а именно, что онъ чувствуетъ, что *онъ долженъ* совершить этотъ поступокъ и что несовершеніе его было бы для него источникомъ мучительнаго безпокойства и невыносимо тяжелаго настроенія. Для оправданія своего бессмысленнаго поступка человѣкъ силится приискать какіе-нибудь мотивы. Большаго аргумента человѣкъ, при всемъ своемъ желаніи и при полномъ своемъ сознаніи, не въ состояніи привести, такъ какъ самый актъ внушенія во время гипнотическаго состоянія ускользнулъ отъ него и прошелъ для него незамѣченнымъ.

Спрашивается теперь, на чемъ основывается это непреодолимое влеченіе нормальнаго человѣка совершать поступки, внушенные ему въ гипнотическомъ состояніи?

Вы помните, что ощущенія и представленія, вызываемыя въ гипнотическомъ состоянїи, отличаются замѣчательной силой и яркостью и сопровождаются, въ случаѣ вызова двигательныхъ представленій, рядомъ автоматическихъ движеній. Очевидно, что и внушаемыя идеи, состоящія изъ ряда представленій, должны отличаться особенной силой и живостью и оставлять глубокой слѣдъ въ функционировавшихъ элементахъ нашей нервной системы.

Изъ представленнаго выше очерка состоянїя центровъ сѣрой коры мозговыхъ полушарій во время гипноза очевидно, что внутреннее психическое поле субъекта при этомъ бываетъ погружено въ полный мракъ и тишину. Всякая идея, внушаемая извнѣ громкой отчетливой рѣчью, врывается какъ яркій лучъ свѣта въ абсолютный мракъ и освѣщаетъ только опредѣленную группу ощущеній и представленій, овладѣвающихъ всецѣло всеѣмъ внутреннимъ психическимъ полемъ и притомъ безъ всякаго противовѣса. Сила этихъ ощущеній и представленій должна быть въ высокой степени велика, и они оставляютъ глубокой слѣдъ въ центральной нервной системѣ и въ особенности тогда, когда внушенныя идеи не разрѣшаются тутъ же во время гипноза рядомъ движеній, а сообразно съ смысломъ внушенія должны быть выполнены впоследствии чрезъ часъ, день или мѣсяць. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ весь зарядъ сильнаго возбужденія нервныхъ центровъ, лежащій въ основѣ внушенныхъ представленій какъ бы сохраняется до указаннаго времени и только тогда начинается дѣй-

ствовать съ непоколебимой силой, выражаясь въ соотвѣтствующихъ этимъ идеямъ движеніяхъ и поступкахъ.

Крайне характеристично съ одной стороны то обстоятельство, что внушенныя идеи повидимому точно выполняются въ указанный внушителемъ срокъ, а съ другой—что онѣ совершаются субъектомъ въ полномъ здоровомъ смыслѣ наперекоръ всѣмъ требованіямъ логики и обстановки и безъ всякой сознательной мотивировки, только въ силу неудержимаго влеченія, объясняемаго субъектомъ простой необходимостью. Воля субъекта подгибается подъ неотразимой силой внушеннаго влеченія, источники котораго остаются для него неизвѣстными, и онъ съ виду совершаетъ произвольные акты, вовсе неоправдываемые его разумомъ.

Объ эти характеристическія черты являются послѣдствіемъ прежде всего необыкновенной силы внушенныхъ представленій, оставляющихъ глубокой и повидимому продолжительный слѣдъ, съ которымъ не могутъ бороться представленія и влеченія, вызываемыя дѣйствительностью при бодрствованіи человѣка; эти послѣднія оказываются обыкновенно слабѣе, и это весьма естественно въ виду умѣряющаго дѣйствія, оказываемаго другъ на друга массой одновременно возникающихъ въ насъ при бодрствованіи ощущеній и представленій. Что же касается до того, что внушенныя идеи выполняются именно въ указанный срокъ, то эта сторона дѣла съ точки зрѣнія объясненія представляется одной изъ наиболѣе затруднительныхъ.

Мы сказали, что послѣ пробужденія отъ гипноза субъектъ вовсе не сознаетъ всего того, что было съ нимъ во время гипноза и, слѣдовательно, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что ему надлежитъ совершить по внушенію черезъ болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени. Стало быть, въ началѣ внушенныя идеи находятся ниже порога его сознанія; но затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ сроку выполненія идеи, слѣды внушенія начинаютъ постепенно выплывать въ сферу сознанія и къ назначенному времени достигаютъ такой силы, что удержаться отъ выполненія внушенной идеи субъекту не представляется повидимому никакой возможности. Эта черта проявленія внушенія сильно напоминаетъ съ внѣшней стороны механизмъ часовъ извѣстныхъ вамъ подъ именемъ будильника; вамъ стоитъ уставить указатель этихъ часовъ на опредѣленную часть, когда вы желаете быть разбуженнымъ и въ этотъ какъ разъ часъ будильникъ начинаетъ самъ звонить въ колокольчикъ. И въ явленіяхъ внушенія экспериментаторъ своей рѣчью какъ бы заводитъ часы нашего головного нервного механизма такъ, что они проявляютъ свою дѣятельность во внѣшнихъ поступкахъ и движеніяхъ только въ опредѣленный внушеніемъ срокъ. Это, что касается до внѣшней стороны явленія.

Что же касается до внутренняго механизма его, то дѣло это объясняется естественнѣе всего на нашъ взглядъ слѣдующимъ образомъ. Экспериментаторъ своимъ внушеніемъ во время гипноза вызываетъ въ бессознательной психической сферѣ человѣка рядъ

весьма сильныхъ представлений, осуществленіе которыхъ назначено, напр., на 1 апрѣля въ 2 часа пополудни.

Для того, чтобы эти представленія всплыли на поверхность сознанія, требуется внѣшній толчокъ, внѣшній намѣкъ, который бы по содержанию своему соотвѣтствовалъ одному или нѣсколькимъ изъ главныхъ моментовъ внушенной во время гипноза идеи. Представленіе о приближающемся днѣ выполненія внушенія по ассоціаціи идей будить глубокой слѣдъ безсознательныхъ представлений, внушенныхъ во время гипноза, а наступленіе самаго дня и часа, на которые было назначено выполненіе внушенія переводить всецѣло эти представленія въ сферу нашего сознанія, въ которомъ они, будучи преобладающими по силѣ, и являются главными руководителями нашихъ, съ виду произвольныхъ движеній и поступковъ.

Въ пользу такого толкованія говорятъ извѣстные факты изъ будничной жизни. Вѣроятно каждому изъ васъ приходилось иногда напрягать все усилія воли, чтобы вспомнить ту или тѣ идеи, которыя недавно еще находились въ полѣ зрѣнія сознанія и тѣмъ не менѣе усилія эти оставались тщетными. Очевидно, что искомыя мысли въ этотъ моментъ находились ниже порога сознанія — въ безсознательной психической сферѣ. Стоитъ, однако, встрѣтиться съ чѣмъ нибудь, дающимъ хотя бы далекой намекъ на позабытыя мысли и идеи, какъ тотчасъ же по ассоціаціи идей припоминаемыя мысли всплываютъ на поверхность вашего сознанія.

То же, полагаемъ мы, происходитъ и съ выполне-
ніемъ внушеній въ опредѣленный срокъ: наступленіе
дня и часа, на которые назначено выполненіе вну-
шенной идеи, на основаніи подобной же ассоціаціи
идей, заставляетъ всплывать на поверхность сознанія
всю цѣль внушенныхъ представленій, руководящихся
съ этого момента вашими поступками. Словомъ, усло-
вія, опредѣляющія выполненіе внушенныхъ идей въ
опредѣленный срокъ, лежать не столько во внутрен-
немъ механизмѣ дѣятельности самихъ нервныхъ цент-
ровъ, сколько во внѣшнихъ условіяхъ, тѣсно связан-
ныхъ съ содержаніемъ внушенныхъ идей и созна-
ваемое наступленіе которыхъ служитъ толчкомъ къ
всплыванію этихъ идей на поверхность нашего соз-
нанія.

Этимъ исчерпываются главныя характеристическія
черты этихъ съ виду столь загадочныхъ явленій
такъ называемаго внушенія, которыя, быть можетъ, и
будутъ когда-нибудь использованы человекомъ.

Шарль Рише былъ первымъ авторомъ, ясно ука-
завшимъ на существованіе описанныхъ только что
нами явленій внушенія: рядомъ многочисленныхъ опы-
товъ, произведенныхъ надъ больными и здоровыми
людьми, онъ доказалъ, что внушенныя на будущее
время приказанія во время гипноза въ точности вы-
полняются ими по пробужденіи въ указанное время и
въ указанномъ мѣстѣ, какъ бы ни были причудливы
и несообразны по своему характеру внушенныя идеи.
Этими внушеніями можно, какъ оказалось, не только
побудить къ совершенію тѣхъ или другихъ поступ-

ковъ, но и измѣнить настроеніе, характеръ и отношеніе человѣка къ другимъ, окружающимъ его людямъ, побудить враждебно относиться къ близкимъ друзьямъ и наоборотъ—относиться дружески почти къ совершенно незнакомымъ личностямъ, и т. д. Словомъ, возможно по желанію извратить на время весь прежній нормальный складъ данной личности и побудить ее съ неотразимой силой къ совершенію любого акта, какой вамъ придетъ въ голову.

Съ тѣхъ поръ трудами болѣе второстепенныхъ изслѣдователей добыты многіе факты въ томъ же направленіи, доказывающіе, повидимому, что путемъ внушенія можно лѣнивыхъ субъектовъ превращать въ крайне прилежныхъ, трусливыхъ по натурѣ людей—въ храбрыхъ; можно въ кроткомъ и смирномъ человѣкѣ вызвать влеченіе къ убійству опредѣленной личности и при опредѣленныхъ условіяхъ; можно людей, страдающихъ бессонницей, избавить отъ этого недуга и возвратитъ имъ нормальный сонъ; можно людей, страдающихъ различными болями или боязнью чего либо, освободить отъ того и другого, и т. д. и т. д. и все это по мановенію этого новаго волшебнаго жезла, именуемаго въ настоящее время внушеніемъ и дѣйствующаго повидимому неотразимо, безъ осѣчки. Загипнотизируйте, внушите—и арміи будутъ состоять сплошь изъ отчаянныхъ храбрецовъ, школы—изъ прилежнѣйшихъ учениковъ; внушите—и вы пресѣчете жизнь вашихъ кровныхъ враговъ и прекратите болѣзни, отравляющія вашу жизнь, и т. д.

Не правда ли, какая повидимому широкая и блестя-

щая будущность открывается передъ этими явленіями внушенія въ дѣлѣ урегулированія различныхъ сторонъ частной и общественной жизни? Какъ много лишняго балласта окажется въ современныхъ стратегическихъ приемахъ, въ приемахъ педагогики и медицины, разъ внушеніе вступить въ полныя права? Такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые наши профессиональные магнетизеры, и даже нѣкоторые врачи, высказывающіе полную увѣренность въ томъ, что научное обоснованіе всѣхъ загадочныхъ явленій гипноза, должно современемъ совершить цѣлый переворотъ во всей нашей соціальной жизни, медицинѣ, юриспруденціи, педагогикѣ и т. д.

Не трудно доказать, однако, что эти надежды, эти утвержденія, до которыхъ не додумался еще ни одинъ изъ серьезныхъ выдающихся иностранныхъ ученыхъ, являются чрезчуръ преувеличенными.

Уже начать съ того, что для возможности внушенія необходимо перевести человѣка въ то крайне ненормальное психическое состояніе, которое именуется гипнозомъ. Изъ вышеприведеннаго анализа этого состоянія мы видѣли, что оно выражается полнымъ разстройствомъ нормальной сочетанной дѣятельности психическихъ центровъ и сопровождается потерей сознанія, воли, и рѣзкой склонностью къ иллюзіямъ, галлюцинаціямъ и къ мышечнымъ столбнякамъ; получается, словомъ, картина нервнаго расстройства, сильно напоминающая временное помѣшательство и оставляющая по себѣ на нѣкоторыхъ гипнотизированныхъ, многія патологическія расстройства въ нервной

системъ, уже не говоря о нарушеніи функций другихъ органовъ растительной жизни. Это устраненіе сознанія и воли, характеризующее гипнотическое состояніе, можетъ вести въ послѣдствіи къ потерѣ самообладанія, къ повышенію отраженной возбудимости мозговыхъ центровъ, къ преобладанію судорожныхъ явленій, т. е., въ общемъ, къ картинѣ полной истеріи или даже истеро-эпилепсіи. Извѣстно, что во времена Месмера, когда въ Парижѣ была столь сильно развита страсть къ гипнотизированію, число истеричныхъ возросло до угрожающихъ размѣровъ. Нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ петербургскимъ психіатрамъ пришлось имѣть дѣло съ истеричными больными, болѣзнь которыхъ развилась только вслѣдъ за сеансами гипноза; въ одномъ случаѣ, а именно послѣ многократнаго гипнотизированія, наблюдались даже первые признаки душевнаго разстройства.

Несомнѣнно, поэтому, что гипнозъ, представляя собою въ корнѣ своемъ картину временнаго помѣшательства, не проходитъ для многихъ людей безслѣдно а вызываетъ послѣдовательныя нервныя разстройства, нарушающія правильность мозговыхъ функций. Если прибавить къ этому, что у многихъ людей наблюдается послѣ гипноза наклонность къ повторенію его, помимо всякаго желанія чловѣка, то этимъ еще болѣе укрѣпится взглядъ на гипнозъ, какъ на болѣзненное состояніе, не прерывающееся тотчасъ же по пробужденіи, а оставляющее по себѣ болѣе или менѣ глубокой слѣдъ.

Итакъ, мы видимъ, что состояніе, чрезъ которое

должны проходить люди для того, чтобы подвергнуться внушенію, есть состояніе умственного разстройства или временнаго помѣшательства. Если бы сдѣланное въ этомъ состояніи внушеніе отличалось замѣчательно продолжительнымъ дѣйствіемъ, то еще мыслимо было бы въ крайнемъ случаѣ подвергаться этому временному помѣшательству, для того, чтобы впослѣдствіи въ теченіе всей своей жизни пожинать плоды благотворнаго внушенія.

Дѣло, однако, стоитъ вовсе не такъ. Слѣды внушенія оказываются въ дѣйствительности вовсе недолговѣчными и продолжительность его рѣзко колеблется въ зависимости отъ многихъ условій, среди которыхъ индивидуальныя особенности лица, его характеръ и впечатлительность стоятъ на первомъ планѣ. Срокъ этотъ, судя по извѣстнымъ мнѣ литературнымъ даннымъ, колеблется для разныхъ людей и для различныхъ внушеній между 10 днями и полугодомъ; быть можетъ, что онъ окажется въ нѣкоторыхъ случаяхъ и больше, а въ другихъ случаяхъ и короче. Для насъ въ настоящее время важенъ лишь тотъ весьма естественный фактъ, что эффекты внушенія бывають ограничены во времени и что для продолженія его благотворнаго дѣйствія необходимо отъ времени до времени повтореніе этихъ внушеній и, стало быть, новая гипнотизація того же субъекта.

Такимъ образомъ, человѣку предстояло бы періодически подвергаться гипнозу и внушеніямъ, т. е. періодически разстраивать нормальный механизмъ психической дѣятельности; если одна гипнотизація не

протекает даромъ для многихъ людей, а влечетъ за собою рядъ нервныхъ разстройствъ, то легко себѣ представить окончательный эффектъ цѣлаго ряда гипнотизацій; тутъ разстройства нервныхъ функций будутъ, несомнѣнно, глубже и обширнѣе и могутъ повести къ развитію душевной болѣзни и тѣмъ самымъ заглушить всякія ожидаемыя благотворныя вліянія внушенія.

Бороться съ тѣми или другими недугами, какъ общественной, такъ и индивидуальной жизни при помощи гипноза и внушеній, т. е. при помощи извращенія нормальной нервной дѣятельности, это, по нашему глубокому убѣжденію, прибавляетъ къ одному недугу еще новый и быть можетъ еще болѣе серьезный недугъ, который, если и не выразится въ первое время послѣ гипнотизаціи, то можетъ проявиться впоследствии въ болѣе или менѣе грозной формѣ. Устраняя внушеніемъ, напр., зубную боль, бессонницу, лѣнь, трусливость и т. д., и все это только на время, не слѣдуетъ забывать, что цѣль эта достигается цѣной, хотя и временнаго, но глубокаго разстройства нервныхъ психическихъ функций, столь деликатныхъ по своей природѣ и столь наклонныхъ къ повторенію. Естественно, поэтому, призадуматься надъ тѣмъ, насколько позволителенъ этотъ приемъ въ борьбѣ съ различными недугами и насколько введеніе гипноза и внушенія въ качествѣ цѣлебной мѣры можетъ упразднить цѣлый рядъ педагогическихъ, медицинскихъ и всякихъ другихъ мѣръ, предлагаемыхъ современной наукой для борьбы со всякаго рода зломъ и страданіями людей. Мы же глубоко сомнѣваемся въ блестя-

щей будущности гипноза и внушенія въ этомъ отношеніи на основаніи высказанныхъ только что соображеній и данныхъ.

Говоря это, мы далеки отъ мысли, чтобы явленія гипноза и внушенія не заслуживали серьезной разработки. Напротивъ того, они представляютъ высокій психологическій интересъ въ дѣлѣ изученія различныхъ сторонъ нашей сложной психической дѣятельности; но изученіе этихъ явленій должно быть вручено компетентнымъ психологамъ, психиатрамъ и врачамъ и производиться въ клинической и лабораторной обстановкѣ, а не въ свѣтскихъ салонахъ и на публичной аренѣ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются такъ называемые магнетизеры по профессіи.

Только при этомъ условіи неизбежный вредъ, сопряженный съ гипнотизированіемъ, можетъ быть сведенъ до возможнаго минимума и будетъ выкупаться приобрѣтеніемъ серьезныхъ и твердо установленныхъ научныхъ данныхъ, освѣщающихъ тѣ или другія темныя еще стороны нашей психической жизни. Салонный же и театральныи путь, пропагандированія профессиональными магнетизерами интересныхъ явленій гипноза и внушенія, наводняя печать массой неточныхъ непроконтролированныхъ наблюдений и опытовъ, представляется на нашъ взглядъ вреднымъ во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, такимъ повальнымъ неразборчивымъ гипнотизированіемъ несвѣдущими магнетизерами здоровыхъ и больныхъ людей, даны условія для развитія многихъ послѣдующихъ нервныхъ расстройствъ и преимущественно истеріи и истеро-

эпилепсиі. Во-вторыхъ, самый гипнозъ можетъ у нѣкоторыхъ людей сопровождаться приступами столбняка, остановки дыханія и сердцебиеній, грозящими иногда жизни человѣка и съ которыми едва ли будетъ въ состояніи справиться какой-нибудь полувоспитанный гипнотизеръ. Въ-третьихъ, такое безконтрольное гипнотизированіе, въ связи съ явленіями внушенія, служить нерѣдко источникомъ распространенія ложныхъ свѣдѣній въ обществѣ и наконецъ, эти, съ виду невинныя салонныя развлеченія, указывая на дѣйствительную неотразимость внушенія и подхватываемыя печатью, пропагандируютъ въ обществѣ и народѣ одно изъ простѣйшихъ и притомъ могучихъ, повидимому, средствъ къ пробужденію и укрѣпленію въ людяхъ различныхъ темныхъ и преступныхъ влеченій къ совершенію грабежей, насилій и даже убійствъ. Стоитъ только загипнотизировать ничего не подозревающаго честнаго человѣка и внушить ему совершить тогда то и тамъ то то или другое преступленіе, и данный субъектъ будетъ съ неотразимой силой стремиться къ осуществленію его, не подозревая вовсе источника своего влеченія.

О вредѣ подобной пропаганды уже свидѣтельствуяютъ нѣкоторые новѣйшіе факты, извѣстные въ литературѣ, а именно—изнасилованіе женщины во время гипноза, послужившее поводомъ къ судебно-медицинской экспертизѣ въ Швейцаріи, и, если вѣрить газетнымъ толкамъ, убійство, совершенное по внушенію, сдѣланному во время гипноза.

Впрочемъ, по данное время не существуетъ ни од-

ной судебно-медицинской экспертизы, въ которой фактъ убійства, какъ послѣдствіе внушенія, былъ бы доказанъ съ положительностью.

Всего этого, кажется мнѣ, вполне достаточно, чтобы предохранить общество отъ склонности къ гипнотизированію и къ внушеніямъ изъ одного простаго любопытства и притомъ неизвѣстными какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, магнетизерами.

Разработка явленій гипноза и внушенія приводитъ роковымъ образомъ къ тому важному въ практическомъ отношеніи заключенію, что явленія эти могутъ быть лишь объектомъ строга научныхъ изслѣдованій въ рукахъ людей компетентныхъ, неспособныхъ уже по самому развитію своему и общественному положенію къ злоупотребленію ими; какъ предметъ же заботы явленія эти должны быть исключены изъ обращенія, какъ въ виду возможнаго вреда, причиняемаго ими здоровью, такъ и тѣхъ преступныхъ примѣненій, къ которымъ они могутъ вести въ рукахъ непрощенныхъ злокачественныхъ магнетизеровъ.

Согласно съ этимъ, различныя государства принимали законодательныя мѣры для предупрежденія вреда, угрожающаго обществу отъ гипнотическихъ представленій и подчинили гипнотическую практику извѣстнымъ требованіямъ. Это уже было сдѣлано различными муниципальными совѣтами различныхъ городовъ Швейцаріи въ 1880 г. То же самое было сдѣлано въ Португаліи, въ Мекленбургъ-Шверингѣ, въ Бельгіи, въ Даніи, Италіи. И наконецъ въ 1889 году я горячо выступилъ противъ дозволенности пуб-

личныхъ гипнотическихъ представлений, дававшихся у насъ въ Петербургѣ извѣстнымъ профессиональнымъ гипнотизеромъ Ганzenомъ, и это оффициально было довершено, благодаря содѣйствію нашего ученаго психіатра проф. И. П. Мержеевскаго. Такимъ образомъ и у насъ, къ счастью общества, публичность гипнотическихъ представлений закономъ воспрещена. Это постановленіе не представляетъ, однако, ничего новаго, такъ какъ уже въ началѣ прошлаго столѣтія многими государствами уже приняты были мѣры для огражденія общества отъ злоупотребленій магнетизеровъ въ томъ числѣ и Россіей. Но объ этомъ не вспомнили теперь лишь потому, что перемѣнилось только названіе, прикрывавшее въ сущности тѣ же явленія; тогда они шли подъ именемъ „магнетизма“, теперь же подъ названіемъ гипнотизма.

Въ настоящее время, благодаря накопленію обильнаго матеріала, касающагося примѣненія гипноза и внушенія къ леченію различныхъ болѣзней, можно все же допустить, что методъ этотъ при осторожномъ и разумномъ примѣненіи специалистами-врачами даетъ нерѣдко благопріятные результаты, въ особенности въ случаяхъ функціональныхъ расстройствъ организма, неосложненныхъ еще органическими пораженіями органовъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдвинулась школа врачей изъ Нанси съ Бернгейманъ и Бони во главѣ. Оказалось, что гипнотическими внушеніями удается успѣшно бороться съ различными дурными, порочными привычками и склонностями челоуѣка, какъ-то—съ онанизмомъ, съ пьянствомъ, съ застѣн-

чивостью, съ заиканіемъ, съ запорами, съ различными функціональными параличами, судорогами, сведеніями конечностей, Виттовой пляской и т. д. Осторожное гипнотическое внушеніе находитъ вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе широкое примѣніе въ медицинской практикѣ и врачи стремятся болѣе точно опредѣлить кругъ тѣхъ болѣзней, гдѣ показуется гипнозъ съ внушеніемъ.

Врачи разбились на два лагеря—одни съ надеждой смотрятъ на будущность гипноза, какъ могучаго цѣлебнаго орудія, другіе же безусловно отрицаютъ его. Работа по этому спорному вопросу находится нынѣ въ полномъ ходу и чѣмъ бы ни кончилось дѣло не слѣдуетъ забывать однако, что гипнотическое внушеніе есть могучій агентъ, способный видоизмѣнять цѣлый рядъ фізіологическихъ процессовъ въ организмѣ, совершенно не подчиненныхъ нашему духу, вольтъ при обыкновенныхъ нормальныхъ состояніяхъ организма. Какъ примѣръ такого вліянія внушенія во время гипноза, сверхъ уже упомянутаго вліянія его на работу сердца, приведу еще примѣры внушенныхъ ожоговъ кожи и въ особенности внушенныхъ произвольныхъ кровотеченій изъ кожи. Напомню знаменитый въ этомъ отношеніи опытъ Буррю и Бюро: они написали на совершенно здоровой кожѣ предплечья человѣка, находившагося въ гипнозѣ, тупымъ предметомъ нѣсколько буквъ и внушили ему, чтобы соотвѣтственно проведеннымъ линіямъ у него появились кровотеченія; вскорѣ вся конечность покраснѣла и въ мѣстахъ начерченныхъ буквъ появились ба-

гровныя линіи, изъ которыхъ показались капли крови на глазахъ многочисленныхъ зрителей (рис. 5).

Фактъ этотъ на ряду съ другими—вызова покрас-

Рис. 5.

нѣнія (какъ отъ горчишника), а также и ожоговъ кожи по внушенію—ясно указываетъ на могучее воздѣйствіе гипнотическихъ внушеній, въ особенности на

нѣкоторыхъ нервныхъ истеричныхъ субъектовъ, а слѣдовательно и на возможность вмѣшательства гипнотическихъ внушеній въ жизненные процессы въ организмѣ.

Все дѣло теперь въ осторожной разработкѣ этихъ вліяній и въ примѣненіи полученныхъ данныхъ съ врачебной цѣлью. Мы твердо убѣждены, что путемъ лабораторныхъ и клиническихъ изслѣдованій въ недалекомъ будущемъ будутъ достигнуты такіе результаты, которые ясно очертятъ кругъ явленій, гдѣ примѣненіе гипнотическихъ внушеній можно будетъ признать вполне рациональнымъ. Пока же мы далеки отъ этого, и, съ одной стороны, мы встрѣчаемся съ лагеремъ врачей скептиковъ, вполне отрицающихъ всякое значеніе гипноза, а съ другой—врачей, смотрящихъ на него чуть-ли не какъ на универсальное средство. Въ особенности въ этомъ послѣднемъ отношеніи грѣшитъ школа д-ра Берильона въ Парижѣ, прибѣгающаго къ гипнозу и внушеніямъ чуть-ли не противъ всѣхъ людскихъ страданій—и пьянства, и несогласія супруговъ, и параличей, и анестезій и лѣни и всякихъ порочныхъ наклонностей. Онъ ввелъ только при гипнотическомъ внушеніи одинъ новый факторъ,—это то что сообразно внушаемымъ идеямъ онъ пассивно двигаетъ членами субъекта, производя ими движенія, согласныя съ внушаемыми актами. Вводя такимъ образомъ въ опытъ мышечное чувство, авторъ этотъ полагаетъ, что этимъ крайне повышается вліяніе внушаемыхъ идей.

Мы высказали раньше, что явленія гипноза и внушенія представляютъ высокій теоретическій интересъ

съ точки зрѣнія выясненія различныхъ процессовъ, участвующихъ въ психической дѣятельности мозга. Я и обращаю теперь ваше вниманіе на незатронутую еще мною психологическую сторону изученныхъ нами явленій внушеній, а именно—на то значеніе, которое они могутъ имѣть въ выясненіи сложнаго механизма произвольно-двигательной дѣятельности человѣка.

Изъ явленій внушенія мы видимъ, что мотивомъ опредѣляющимъ тѣ или другіе сознательные акты у вполне нормальнаго человѣка, могутъ служить идеи, т. е. ощущенія и представленія, проникшія въ его психическую сферу вполне безсознательно, т. е. внѣ предѣловъ его сознанія. Эти идеи и представленія при опредѣленныхъ условіяхъ, выплывая изъ мрака безсознательной психической сферы на поверхность сознанія, могутъ служить руководителями его воли и направлять импульсы послѣдней къ выполненію такихъ актовъ, которые намѣчены самимъ содержаніемъ внушенной идеи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣчто аналогичное внушенію, хотя и въ несравненно болѣе слабой степени, испытываютъ люди и во время нормальной, обычной жизни, а именно, каждый изъ насъ подвергается при нормальныхъ условіяхъ массѣ впечатлѣній, усвоиваемыхъ нами безсознательно и служащихъ впоследствии, по всплытіи этихъ безсознательно усвоенныхъ ощущеній и представленій на поверхность сознанія, прямыми руководителями нашихъ съ виду произвольныхъ актовъ. Мы нерѣдко бываемъ въ невозможности объяснить себѣ корень или причину того или другого поступка—почему насъ иногда какъ

бы роковымъ образомъ влечетъ къ совершенію такого поступка, а не иного и въ этихъ случаяхъ моментами, опредѣляющими направленіе волевого акта, служатъ именно эти представленія и идеи, вкравшіяся въ бессознательную психическую сферу и отчасти зародившіяся въ ней; въ случаѣ перехода этихъ представленій и идей въ сферу сознанія и преобладанія ихъ надъ другими противоположными представленіями и идеями, они являются безусловными опредѣлителями нашихъ волевыхъ рѣшеній.

Знакомство съ явленіями внушенія представляетъ тотъ высокій психологическій интересъ, что оно указываетъ *de facto*, что направленіе и качество сознательныхъ актовъ опредѣляются преобладаніемъ той или другой группы ощущеній и представленій, складывающихся или въ самомъ полѣ зрѣнія сознанія или всплывающихъ въ него изъ бессознательной психической сферы. Преобладающее чувствующее или двигательное представленіе, роковымъ образомъ влечетъ за собою неотразимое стремленіе къ ихъ осуществленію въ движеніяхъ или поступкахъ.

Такъ какъ акты, совершаемые человѣкомъ, являются всегда послѣдствіемъ преобладающихъ представленій, т. е. такихъ, которыя по силѣ своей и распространенности превосходятъ всѣ остальные, и такъ какъ, съ другой стороны, намъ извѣстно, что мы волей нашей можемъ воспроизводить опредѣленные представленія, культивировать и усиливать одни и въ то же время устранять и заглушать другія, то на долю воли выпадаетъ высокая роль регулятора нашихъ

психическихъ актовъ, а чрезъ это и сознательныхъ поступковъ. Она есть гарантія свободы, безъ которой немыслима индивидуальная жизнь. Хотя воля наша и опредѣляется психо-физиологическими условіями, протекающими въ безсознательной и сознательной психической сферѣ, тѣмъ не менѣе сознаваемая нами свобода воли, свобода выбора являются могучимъ орудіемъ совершенствованія человѣка въ томъ смыслѣ, что побуждаетъ его вмѣшиваться въ теченіе своихъ представленій и давать большій перевѣсъ однимъ представленіямъ, однимъ идеямъ нежели другимъ, развивать и усиливать одни представленія въ ущербъ другимъ и тѣмъ, опредѣлять и характеръ влеченій, воплощающихся въ тѣхъ или другихъ поступкахъ. Уничтожьте у человѣка это сознаніе свободы воли, и человѣкъ уже былъ бы немыслимъ въ качествѣ живаго разумнаго существа, а былъ бы подобенъ автомату, роковымъ образомъ производящему ту или другую работу, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, какъ это мы видимъ на гипнотикахъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, какъ предметъ наблюденія, подобно остальнымъ явленіямъ природы, подлежитъ законамъ необходимости. Это говоритъ намъ разумъ, опирающійся на рядъ опытовъ и наблюденій. Но въ то же время не менѣе вѣрно и то, что человѣкъ, руководствуясь своимъ самочувствіемъ, сознаетъ, что онъ свободенъ и сколько бы вы ни доказывали ему, что онъ въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ сдѣлаетъ непременно то же, что и прежде, онъ

всякій разъ, приступая въ тѣхъ же условіяхъ и съ тѣмъ же характеромъ къ дѣйствию, всегда кончавшемуся одинаково, несомнѣнно чувствуетъ, что онъ можетъ поступить какъ захочетъ, т. е. другими словами, онъ признаетъ возможность двухъ разныхъ поступковъ въ однихъ и тѣхъ же совершенно условіяхъ, и безъ этого сознанія онъ не можетъ даже представить себѣ жизни. Такъ какъ разумъ намъ говоритъ, что нѣтъ явленія безъ причины, а потому и воля человѣка опредѣляется тоже причинами и, слѣдовательно, ограничена, а сознаніе съ другой стороны гласитъ, что воля безусловно свободна и не подчиняется ни чему, то, очевидно, сознаніе не подчиняется въ этомъ случаѣ разуму.

Свобода воли для разума есть только мгновенное, неопредѣлимое ощущеніе жизни, неразрывно связанное съ цѣлью предшествующихъ причинъ и послѣдующихъ дѣствий. Съ точки же зрѣнія сознанія, эта свобода есть сущность жизни, есть внутренняя сила жизни, непосредственно сознаваемая человѣкомъ.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ совмѣщается сознаніе свободы воли человѣка съ закономъ необходимости, которому онъ несомнѣнно подлежитъ?

Дѣло въ томъ, что поступки человѣка опредѣляются его природнымъ характеромъ, обусловленнымъ его организаціей, наличной суммой представленій и внѣшнихъ мотивовъ, дѣйствующихъ на него; въ этомъ смыслѣ поступки его вытекаютъ какъ необходимое послѣдствіе всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ моментовъ и, слѣдовательно, подлежатъ закону необходимости. Но для голоса самосознанія, въ цѣпи всѣхъ

этихъ причинъ, опредѣляющихъ характеръ и направление поступка, одинъ моментъ, а именно импульсъ, непосредственно предшествующій самому поступку и приводящій его въ исполненіе, выдается надъ всѣми остальными своей ясностью, отчетливостью и ближайшей связью съ *его* человѣка; импульсъ этотъ для сознанія и является главнымъ условіемъ, опредѣляющимъ поступокъ. Этотъ импульсъ, предшествующій совершенію поступка, облекается для сознанія въ форму совершенно произвольнаго свободнаго акта, вслѣдствіе недоступности для сознанія всей той безконечной цѣли предшествующихъ причинъ, которая неминуемо должна была привести человѣка къ такому, а не иному рѣшенію. Въ сознаніи рѣзко выдѣляется самое рѣшеніе, для исполненія котораго я человѣка посылаетъ импульсы или вызывающіе или подавляющіе тѣ или другіе чисто психическіе или двигательные акты. Такъ какъ одни и тѣ же внѣшніе мотивы, дѣйствующіе на одного и того же человѣка или на разныхъ людей, въ разное время вызываютъ съ ихъ стороны различныя реакціи, то въ сознаніи человѣка и крѣпнетъ убѣжденіе, что мотивомъ, опредѣляющимъ поступки, является я человѣка, его свободная воля, и это убѣжденіе представляется и будетъ представляться вѣчнымъ достояніемъ человѣка, такъ какъ сознанію въ каждый данный моментъ жизни не можетъ быть доступна вся та цѣль внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ, которая бы неминуемо привела человѣка къ этому, именно, а не къ другому рѣшенію.

Этотъ вѣчный пробѣлъ и обуславливаетъ то ха-

ракетристическое явленіе, что человекъ, совершающій поступокъ, всегда сознаетъ, что онъ поступилъ вовсе не по необходимости и что захоти онъ, то могъ бы поступить какъ разъ наоборотъ. Въ этомъ для сознанія и сказывается свобода воли, и вотъ почему она является для сознанія тѣмъ же, что для разума—законъ необходимости.

Мы въ правѣ поэтому сказать вмѣстѣ съ нашимъ знаменитымъ писателемъ — мыслителемъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что разумъ выражаетъ законы необходимости, сознаніе же выражаетъ сущность свободы и что все, что мы знаемъ о жизни людей есть только извѣстное отношеніе сознаваемой ими свободы къ необходимости.

Разобранныя нами явленія гипноза и внушенія представляютъ въ этомъ отношеніи высокій интересъ.

При гипнозѣ исключена вся сфера такъ называемыхъ произвольныхъ актовъ и господствуютъ только насильственные акты, совершающіеся по законамъ необходимости. При внушеніи человекъ поставленъ въ необходимость совершать внушенные ему поступки вопреки всѣмъ усиліямъ его воли. Словомъ, тутъ и тамъ нарушаются тѣ нормальныя отношенія между свободой и необходимостью, которыя характеризуютъ нормальную жизнь человека.

Мы видѣли, что роковое стремленіе человека къ выполненію внушенныхъ ему приказаній, вытекаетъ изъ необыкновенной силы внушенныхъ въ ненормальномъ состояніи представлений и идей. Очевидно, что поступки человека, обладающаго даже совершенно нормальной

волей, опредѣляются господствомъ въ его сознаниі опредѣленныхъ идей и представленій; пока эти идеи и представленія, имѣющіяся во внутреннемъ полѣ зрѣнія сознания, не переходятъ со стороны силы своей извѣстной нормы до тѣхъ поръ возможна борьба, возможенъ свободный выборъ и свободное рѣшеніе личности; какъ только же одна идея или представленіе, запавъ въ сознание, по своей силѣ далеко превосходитъ норму свойственную здоровымъ идеямъ и представленіямъ, такъ она сразу парализуетъ волю чловѣка и дѣлаетъ его слѣпымъ орудіемъ навязываемыхъ ею поступковъ.

Обстоятельство это въ высшей степени важно въ слѣдующихъ отношеніяхъ.

Имъ ясно указывается зависимость воли чловѣка отъ господствующаго въ данный моментъ представленія и тѣмъ самымъ отчетливо выясняется причинный моментъ воли; изъ него явно слѣдуетъ, что для направленія поступковъ людей, для выработки честныхъ и развитыхъ дѣятелей требуется снабжать ихъ сознание, путемъ воспитанія и образованія, цѣлымъ рядомъ гуманныхъ, полезныхъ идей и представленій и въ гораздо меньшей степени разсчитывать на ихъ добрую или злую волю и наконецъ, что свобода выбора, свобода личности, столь красящая нашу земную жизнь, возможны лишь при условіи, когда сознание наше богато разнообразными идеями и представленіями и не парализовано господствомъ одной чрезмѣрно сильной идеи, ослѣпляющей всѣ остальные и исключющей всякую возможность свободного выбора между ними.

79813
Многочисленность и разнообразие представлений и идей, умѣряющихъ другъ друга и доставляемыхъ высшей умственной культурой, служить лучшей гарантией свободы личности. Такимъ образомъ путь умственной культуры есть въ то же время и путь къ достиженію высшаго идеала человеческого счастья—это къ сознанію индивидуальной свободы.

демикъ князь И. Р. Тархановъ.

НА ОТВ.

чушеніе, гипнотизмъ

и

чтеніе мыслей.

Съ рисунками.

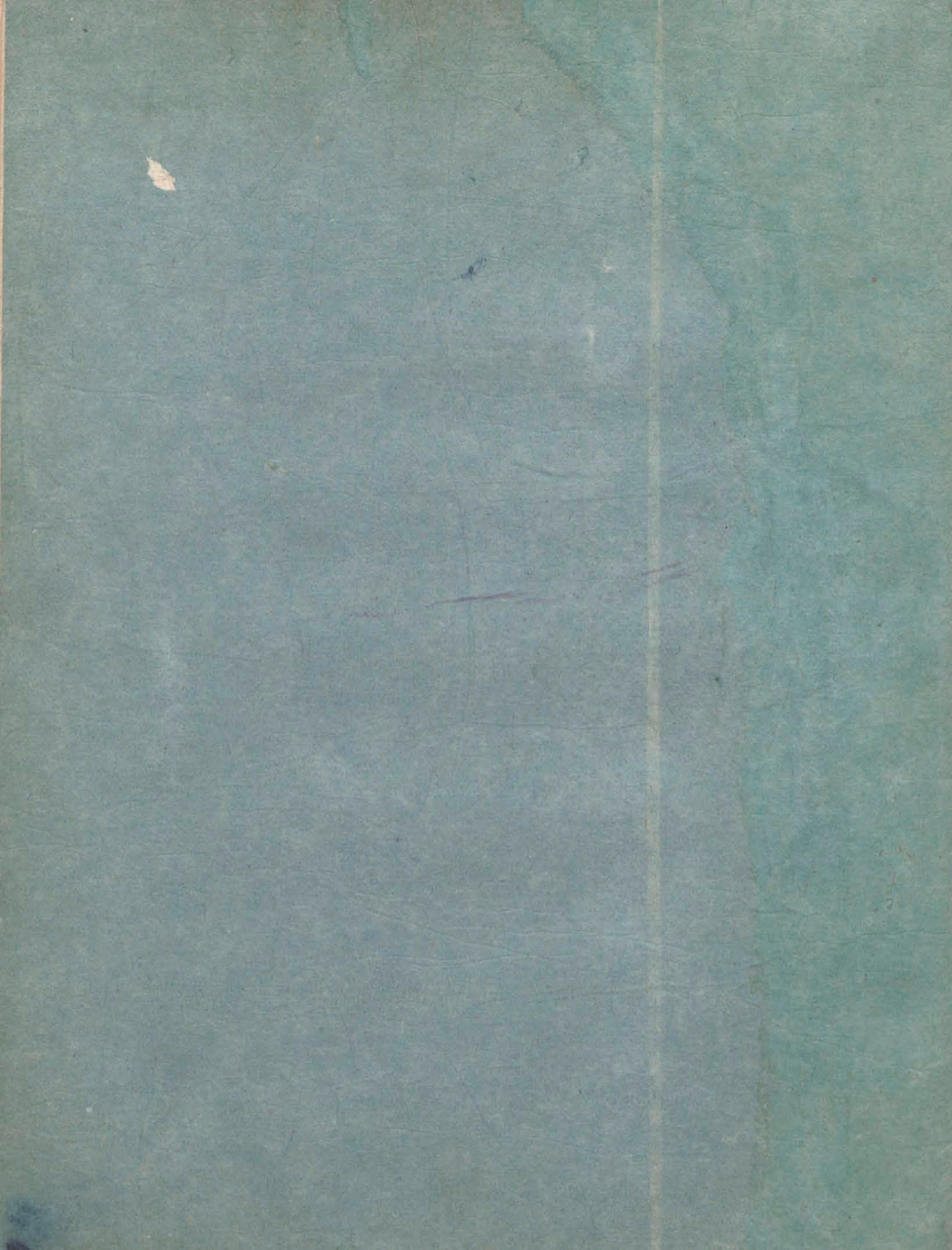
ЧАСТЬ II.

Бесплатное приложеніе къ № 21 журнала
„ЗНАНІЕ и ЖИЗНЬ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1905.

А 285
137

НА ОТВ

III ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ.

Явленія такъ называемаго „чтенія мыслей“ или безмолвнаго угадыванія ихъ всегда пользовались большимъ успѣхомъ въ обществѣ и по своей внѣшней загадочности и таинственности возбуждали массу самыхъ разнорѣчивыхъ и притомъ фантастическихъ толкованій. Въ предстоящей намъ бесѣдѣ я имѣю въ виду доказать, что явленія эти основаны на *невольномъ самообманѣ* и что они составляютъ одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ къ иллюстраціи обмановъ чловѣческаго сознанія. Намъ очень пригодятся при этомъ свѣдѣнія, изложенныя нами на предыдущей лекціи, для объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ сторонъ механизма чтенія мыслей.

Открытіемъ этого своеобразнаго, нѣмого чтенія мыслей, мы обязааны не дѣятелямъ науки, а юному, неизвѣстному и полуобразованному американцу Броуну, выступившему въ 1874 г. въ Нью-Йоркѣ на публичной арену и овладѣвшему, благодаря загадочной новизнѣ своихъ опытовъ, вниманіемъ всего американскаго общества и прессы.

Приложивъ ко лбу своему ладонную поверхность руки загадывателя или индуктора и придерживая слегка ее своей рукой, Броунъ, съ завязанными глазами, отыскивалъ загадочное лицо или намѣченную вещь и передавалъ ее по назначенію, и т. д. Появленіе Броуна въ Нью-Йоркѣ было въ области чтенія мыслей тѣмъ же, что появленіе Месмера въ Парижѣ въ области магнетизма, т. е. гипнотизма.

Впечатлѣніе, произведенное опытами Броуна было уже потому поразительнымъ, что явленія чтенія мыслей были также новы тогда для ученаго міра, какъ телефонъ или фонографъ въ моментъ ихъ изобрѣтенія. Появились тогда же всевозможныя невѣроятныя толкованія, въ родѣ того, напримѣръ, что мысль человѣка можетъ дѣйствовать на разстояніи путемъ лучеиспусканія чрезъ воздухъ, или воля одного человѣка можетъ подчинять безпрекословно волю другого и заставлятъ его продѣлывать то, что задумано другимъ; что существуетъ будто особое магнетическое вліяніе мозга одного человѣка на мозгъ другого и мысль, возникающая въ головѣ одного человѣка, можетъ индуцировать такую же мысль въ головѣ другого, подобно тому, какъ перерывистый электрическій токъ, проходящій черезъ одну спираль, индуцируетъ токъ въ другой сосѣдней вторичной спирали. Словомъ, догадкамъ самаго сѣлаго полета не было конца и ими то и поддерживался напряженный интересъ къ явленіямъ такъ называемаго чтенія мыслей.

Американскому невропатологу Бирду принадлежитъ честь перваго выясненія настоящаго механизма чтенія

мыслей, а именно, онъ первый доказывалъ, что все это чтеніе основано на улавливаніи чтецомъ бессознательныхъ мышечныхъ движеній, производимыхъ индукторомъ при напряженномъ сосредоточиваніи его вниманія на тѣхъ или другихъ представленіяхъ, вслѣдствіе чего онъ и назвалъ это чтеніе — чтеніемъ немыслей, а чтеніемъ мышечныхъ движеній (muscle-reading).

Броунъ выступилъ съ своими загадочными опытами въ іюль 1874 года, а въ октябрѣ того же года Бирдъ представилъ уже свое наиболѣе естественное объясненіе и подкрѣпилъ его въ публичномъ засѣданіи приведеніемъ цѣлой сотни такихъ напрактиковавшихся людей, которые могли читать мысли, подобно Броуну, руководясь легкими бессознательными движеніями индукторовъ. Этимъ ему, конечно, удалось уничтожить ореолъ таинственности, окружавшій перваго чтеца мыслей, Броуна; но странно сказать, что увлеченіе таинственными объясненіями было до такой степени велико, что даже ученое факультетское собраніе въ Нью-Йоркѣ большинствомъ голосовъ отвергло объясненіе Бирда.

Спустя 7 лѣтъ послѣ этого, т. е. въ 1881 году, въ Англіи появился Бишопъ, всѣмъ извѣстный чтець мыслей, производившій еще въ болѣе разнообразной формѣ опыты Броуна. По инициативѣ Карпентера ученые въ Англіи занялись этими явленіями и пришли въ дѣлѣ объясненія ихъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и Бирдъ за 7 лѣтъ передъ тѣмъ. Ученая коммиссія, засѣдавшая въ Лондонѣ и состоявшая изъ

профессоровъ Крумъ Робертсона, Францисъ Гальтона, Ланкестера и Георга Романеса, въ присутствіи наслѣднаго принца, обстоятельно занялась анализомъ явленій чтенія мыслей. Бишопу завязывались глаза и щель снизу платка плотно затыкалась ватой. Объ участіи зрѣнія не могло быть и рѣчи. Бишопу предоставлялось продѣлывать обычные при этомъ приемы: отыскивать запрятанную вещь, указать на задуманное лицо, и т. д. Приложивъ руку индуктора ко лбу и придерживая ее рукой, Бишопъ другой рукой пользовался для отысканія вещи. Оказалось, что опыты эти удавались не одинаково хорошо съ разными лицами.

Если индукторъ завязывалъ себѣ глаза и тѣмъ самымъ не въ состояніи былъ слѣдить за движеніями чтеца и исправлять ихъ, если связь между Бишопомъ и индукторомъ представлялась въ видѣ какой-нибудь мягкой не натянутой нити или веревки, то опыты никогда не удавались. Опытъ никогда не удавался также и въ случаѣ, когда между Бишопомъ и индукторомъ находилось третье лицо, ничего не знавшее о задуманномъ, причѣмъ одна рука его находилась у Бишопана, а другая у индуктора, и наоборотъ опытъ не давалъ почти осѣчки, когда индукторъ держалъ посредника, не знающаго ни о чемъ, за кисть той же руки его, которую держалъ Бишопъ. По мнѣнію этихъ 4 ученыхъ, весь *modus operandi* Бишопана сводится къ тому, что онъ руководится при отысканіи вещи или мѣста безсознательными мышечными движеніями, производимыми индукторомъ въ формѣ легкаго надавливанія или толканія, играющихъ при чтеніи мыслей такую

же роль, какъ слова „тепло“, „горячо“, „жолодно“ въ известной дѣтской игрѣ отыскиванія запрятанной вещи.

Такъ какъ кожная чувствительность Бишопа во время сеанса чтенія мыслей оказалась по изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ не выше нормальной, то они и пришли къ тому заключенію, что эта способность чтенія мыслей не зависитъ у Бишопа отъ особенно повышенной кожной чувствительности, а является послѣдствіемъ продолжительнаго упражненія въ подобнаго рода опытахъ.

Появленіе Бишопа и Кемберленда и у насъ въ Россіи возбудило большой интересъ къ явленіямъ чтенія мыслей и большинство изъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ нашей прессы сумѣло сразу вполне рачіонально отнестись къ этимъ столь съ виду загадочнымъ явленіямъ и не впало въ тѣ ошибочныя умозаключенія, чрезъ которыя прошли многія представители иностранной прессы.

Общій взглядъ нашей прессы совпадалъ по существу своему съ вышеприведеннымъ результатомъ изслѣдованій ученой лондонской комиссіи, дѣятельность которой, а равно и Бирда, повидимому, не была достаточно известна въ Россіи. И у насъ крѣпко такимъ образомъ убѣжденіе, что читаются собственно не мысли, а лишь мышечныя бессознательныя движенія индуктора. Проф. Сикорскій почти одновременно съ этимъ представилъ въ специальной работѣ и тѣ психофизиологическія данныя, которыми выясняется участіе въ механизмѣ чтенія мыслей бессознательныхъ мышечныхъ движеній при напряженномъ ожиданіи и, руко-

водясь этимъ анализомъ, онъ научился самъ многимъ приемамъ чтенія мыслей.

Вслѣдъ за этимъ проф. Прейеръ, на основаніи своихъ опытовъ надъ угадываніемъ мыслей, пришелъ совершенно къ тому же заключенію. Онъ замѣтилъ, что лица, хорошо владѣющія своими мышцами и не проявляющія своихъ ожиданій, своихъ желаній въ формѣ тѣхъ или другихъ движеній, являются плохими индукторами, съ которыми опыты чтенія мыслей никогда не удаются; такъ, напр., лично съ нимъ опыты эти даютъ постоянную осѣчку, тогда какъ съ многими другими учеными его коллегами опыты удавались превосходно.

Авторъ этотъ изобрѣлъ рядъ очень простыхъ и цѣлесообразныхъ аппаратовъ для записыванія на записномъ барабанѣ мелкихъ, бессознательныхъ движеній, производимыхъ ручными пальцами человѣка во всевозможныхъ направленіяхъ; но, къ сожалѣнію, онъ не воспользовался этими аппаратами для рѣшенія главной задачи, а именно для иллюстрированія какъ тѣхъ бессознательныхъ толчковъ и движеній, которые производятся индукторомъ во время самаго чтенія мыслей, такъ и измѣненія направленія этихъ бессознательныхъ движеній подъ вліяніемъ того или иного господствующаго двигательнаго представленія.

Упрекъ этотъ, впрочемъ, можетъ быть сдѣланъ и всѣмъ предшествовавшимъ изслѣдованіямъ чтенія мыслей, упускавшимъ всегда изъ виду необходимость графическаго изображенія и улавливанія этихъ толчковъ и признавшимъ ихъ только на основаніи логическаго,

требованія изъ сопоставляемыхъ фактовъ. Сомнѣваться въ томъ, что течецъ мыслей руководится при рѣшеніи задачъ именно этими бессознательными мышечными движеніями и толчками индуктора, конечно, нельзя; но не слѣдуетъ упускать изъ виду того именно, что благодаря этому пробѣлу вопросъ этотъ остается по сіе время открытымъ со стороны фактическаго его подтвержденія. Нужно уловить эти движенія, записать ихъ при посредствѣ тонкихъ аппаратовъ, графически изображающихъ ихъ, и доказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ движеній, тамъ немисливо и угадываніе.

Отсутствіе подобныхъ изслѣдованій, ясно обнаруживающихъ эти движенія и толчки, ведетъ къ тому что еще въ настоящее время раздаются голоса, утверждающіе, что чтеніе мыслей основано на лучеиспусканіи психической силы, волевыхъ импульсовъ, на магнетическомъ вліяніи на разстояніи одного субъекта на другого, что вліянія эти передаются чрезъ воздухъ изъ мозга въ мозгъ и всего легче при прикасаніи одного субъекта къ другому, и т. д.

Я не стану долго останавливаться на этихъ фантастическихъ гипотезахъ, не имѣющихъ подъ собою никакой серьезной научной почвы; тѣмъ не менѣе мнѣ невозможно обойти ихъ полнымъ молчаніемъ.

Въ основѣ дѣятельности нервныхъ центровъ—ощущеній, представленій, изъ которыхъ складываются мысли и идеи, лежитъ, какъ вамъ извѣстно, процессъ молекулярнаго движенія частичекъ протоплазмы этихъ центровъ; это движеніе распространяется на связаннныя съ ними нервныя волокна, проводится до тѣхъ

или другихъ чувствующихъ или двигательныхъ рабочихъ органовъ и вызываетъ или объективированіе ощущеній, представленій, или движеніе членовъ, сокращеніе сосудовъ, отдѣленіе соковъ, и т. д. Процессъ этого молекулярнаго движенія, именуемаго нервнымъ возбужденіемъ, выражается на гальванометрѣ опредѣленными слабыми колебаніями электрическаго тока и почти вовсе не сопровождается развитіемъ тепла. Вотъ все, что улавливается въ формѣ физическихъ силъ при дѣятельности нервныхъ элементовъ ведетъ ли она къ возникновенію ощущеній, представленій или къ различнымъ формамъ движеній; тотъ, кто допускаетъ индукцію представленій на разстояніи изъ головы въ голову, уже тѣмъ самымъ обязанъ признать возможность перехода этого молекулярнаго движенія изъ нервныхъ центровъ индуктора въ воздухъ и изъ этого послѣдняго вновь въ нервныя центры „чтеца“ мыслей; въ случаѣ же дѣйствія при непосредственномъ соприкасаніи, это молекулярное движеніе нерваго возбужденія должно было бы переходить съ нервовъ одного человѣка чрезъ слои кожи на нервы другого.

Допущенія эти, однако, совершенно противорѣчатъ извѣстнымъ твердо установленнымъ фізіологическимъ фактамъ. Нервное возбужденіе неспособно переходить не только черезъ слои воздуха или съ необнаженныхъ нервовъ одного человѣка на необнаженные же нервы другого при соприкасаніи рукъ, но оно неспособно переходить даже съ одного обнаженнаго нерваго волокна на другое, приложенное къ нему вплотную.

Вотъ опыты, неотразимо доказывающіе это положеніе. Если приготовить два нервно-мышечныхъ препарата лягушки, т. е. двѣ заднихъ лапки со связаннымъ съ каждой изъ нихъ длиннымъ сѣдалищнымъ нервомъ, то извѣстно, что перерывистое электрическое раздраженіе сѣдалищнаго нерва вызываетъ рѣзкія, тетаническія сокращенія въ связанныхъ съ нимъ мышцахъ лапки. Если теперь вплотную приложить на нѣкоторомъ протяженіи сѣдалищный нервъ лапки *A* къ сѣдалищному нерву лапки *B* и раздражать перерывистымъ токомъ этотъ послѣдній выше мѣста касанія обоихъ нервовъ, то какъ бы сильно ни было раздраженіе, а стало быть и нервное возбужденіе, сокращаться будетъ лишь лапка *B*, нервъ которой непосредственно раздражается, тогда какъ другая лапка *A* будетъ находиться все время въ покоѣ. Фактъ этотъ ясно доказываетъ, что нервное возбужденіе, какой бы силы оно ни было, не въ состояніи распространяться съ одного обнаженнаго нервнаго волокна на другое, непосредственно прикасающееся къ нему или, выражаясь другимъ менѣе научнымъ, но за то болѣе таинственнымъ, слогомъ, нервное возбужденіе, пробѣгающее по одному нервному волокну, не въ состояніи индуцировать такого же возбужденія въ другомъ, непосредственно прилежащемъ къ нему нервному волокну.

Къ такому же результату приводятъ опыты, производимые въ другой формѣ. Мы только-что сказали, что раздраженіе сѣдалищнаго нерва вызываетъ общее столбнячное сокращеніе мышцъ задней лапки. Если

тонкой ниткой крѣпко перевязать нервъ посрединѣ его длины, то раздраженіе его, выше мѣста наложенія лигатуры, уже не вызываетъ ни малѣйшаго сокращенія въ лапкѣ, тогда какъ раздраженіе его въ промежуткѣ между лапкой и лигатурой даетъ рѣзкое сокращеніе мышцъ. Очевидно, что нервное возбужденіе неспособно переходить даже черезъ перевязанныя мѣста нерва, не смотря на всю малость разможенного нервного участка.

Если живой сѣдалищный нервъ, дающій при прерывистомъ электрическомъ раздраженіи сокращеніе мышцъ лапки, быстро перерѣзать и тотчасъ же вновь приложить вплотную другъ къ другу поперечныя сѣченія обоихъ отрѣзковъ нерва, то повторное раздраженіе нервного участка выше мѣста перерѣзки не даетъ уже ни малѣйшаго движенія въ лапкѣ, тогда какъ съ нижняго отрѣзка сокращеніе это получается въ полной силѣ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекаетъ съ полной очевидностью та общая фізіологическая аксіома, что нервное возбужденіе неспособно переходить или перескакивать съ одного нервного волокна на другія сосѣднія, а также и черезъ поврежденные части нерва; другими словами, для нервного возбужденія обязательенъ законъ изолированного проведенія его по каждому отдѣльному и притомъ, непрерывному нервному волокну.

Сказанное относительно нервовъ имѣетъ полную силу и для центральной нервной системы. Аналогичные опыты, произведенные съ обнаженнымъ голов-

нымъ или спиннымъ мозгомъ, доказываютъ, что возбужденіе ихъ вовсе не передается другому обнаженному и даже вплотную прилегающему мозгу другого животнаго. И здѣсь господствуютъ тѣ же законы изолированнаго проведенія возбужденія по нервнымъ волокнамъ и центрамъ и только при условіи непрерывности нервной ткани, причѣмъ характеръ, распространеніе и направленіе нервныхъ актовъ обуславливаются связью нервныхъ волоконъ съ опредѣленными центрами и взаимнымъ соединеніемъ этихъ послѣднихъ между собою.

Допустимъ теперь на минуту, что дѣло было бы иначе, а именно, что нервное возбужденіе не ограничивалось бы только сферой непосредственно возбужденныхъ нервныхъ волоконъ и центровъ, а распространялось бы съ одного нервнаго волокна на всѣ соедѣнія волокна и съ одного центра на всѣ остальные центры или, выражаяеь менѣе точно, индуцировалось бы и во всѣхъ соедѣнныхъ нервныхъ образованіяхъ. Спрашивается, мыслима ли была при этомъ какая-нибудь правильная, нервная дѣятельность? Конечно, нѣтъ, такъ какъ возбужденіе однихъ центровъ головного мозга, напр., центровъ свѣтовыхъ ощущеній, должно было бы при этомъ сопровождаться одновременнымъ по индукціи возбужденіемъ центровъ и всѣхъ остальныхъ ощущеній, а также и двигательныхъ центровъ мозга, и свѣтовыя ощущенія должны были бы такимъ образомъ всегда осложняться всѣми остальными категориями ощущеній, а равно и цѣлымъ рядомъ обшихъ распространенныхъ движеній, которыя бы исклю-

чали всякую возможность къ правильной нервной дѣятельности.

При такомъ допущеніи всякое внѣшнее раздраженіе нашихъ органовъ чувствъ, доходящее до любой группы мозговыхъ центровъ, или всякое возбужденіе, возникающее въ нихъ самостоятельно, должны были бы, по индукціи возбужденія съ нерва на нервъ и съ центра на центръ, вовлекать въ одновременную игру всю сферу нервныхъ центровъ, какъ чувствующихъ, психическихъ, такъ и двигательныхъ, и вызывать такимъ образомъ безсмысленную игру всѣхъ аппаратовъ нашего тѣла. Допущеніемъ индукціи нервного возбужденія въ нервныхъ элементахъ нашего тѣла, дѣло, какъ вы видите, доводится ad absurdum и, стало быть, если принципъ этотъ, согласно всѣмъ физиологическимъ даннымъ, неприложимъ къ нервнымъ элементамъ одного и того же организма, то тѣмъ менѣе можно допустить его при дѣйствіи нервной системы одного человѣка на нервную систему другого.

Нервное возбужденіе, лежащее въ основѣ нашей нервной дѣятельности, выражается субъективно въ возникновеніи въ насъ цѣлаго ряда чувствъ, аффектовъ, ощущеній, представленій, идей и волевыхъ импульсовъ; а объективно—въ дѣятельности разнообразныхъ рабочихъ органовъ нашего тѣла, мышцъ, железъ, сосудовъ, и т. д., управляемыхъ нервной системой. Характеръ самаго нервного возбужденія во всѣхъ случаяхъ остается одинаковымъ, и субъективныя и объективныя разницы его дѣйствія зависятъ лишь отъ различія центральныхъ и периферическихъ аппа-

ратовъ, до которыхъ доносится это возбужденіе. Доносясь до различныхъ центровъ ощущеній, представленій и т. д., оно обуславливаетъ въ нихъ такой рядъ процессовъ, который ведетъ къ возникновенію въ однихъ центрахъ свѣтовыхъ, въ другихъ—слуховыхъ, въ третьихъ — обонятельныхъ, и т. д., ощущеній и представленій; доносясь по нервамъ до периферическихъ рабочихъ органовъ тѣла, это нервное возбужденіе приводитъ въ дѣятельность въ одномъ случаѣ мышцы, въ другомъ—железы, въ третьемъ—сосуды и т. д., смотря по тому, въ какомъ изъ этихъ органовъ заканчивается тотъ или иной возбужденный нервъ. Есть даже насѣкомыя, напр., свѣтляки (*Lampyrigis*), у которыхъ нервное возбужденіе обуславливаетъ развитіе свѣта въ хвостовой части тѣла, благодаря существованію тутъ особыхъ свѣтъ производящихъ клѣтокъ находящихся подъ регуляціей нервной системы. И въ этомъ случаѣ, развитіе свѣта является спеціальной функціей этихъ рабочихъ, свѣтъ производящихъ клѣтокъ свѣтящагося аппарата и послѣдній, подобно другимъ рабочимъ органамъ тѣла, приводится въ дѣятельность нервными импульсами; посылаемыми къ нему изъ нервныхъ центровъ. Уничтожьте эти импульсы, захлороформировавъ насѣкомое, и фонарь его тотчасъ погаснетъ; дайте пробудиться насѣкомому отъ наркова—и фонарь его вновь засвѣтится. Итакъ, сфера дѣйствія нервного возбужденія ограничивается предѣлами самого тѣла, и различныя формы проявленія нервного возбужденія обуславливаются спеціальнымъ, фізіологическимъ назначеніемъ разнообразныхъ орга-

новъ, приводимыхъ имъ въ дѣятельность. Съ этой, единственно правильной, точки зрѣнія, нервное возбужденіе является лишь толчкомъ къ дѣйствию тѣхъ или другихъ органовъ тѣла; само же по себѣ оно, помимо этихъ органовъ, не переходитъ ни въ единую изъ извѣстныхъ и уловимыхъ нами формъ свѣтового, теплового движенія или механической работы и сопровождается только развитіемъ слабыхъ электрическихъ токовъ въ предѣлахъ только возбужденныхъ нервныхъ элементовъ.

Едва ли стоитъ говорить послѣ всего этого о томъ, что всѣ гипотезы, предлагаемыя Гартманномъ, съ цѣлью объясненія многихъ таинственныхъ спиритическихъ явленій, которыхъ, кстати (по его же личному сознанію) онъ самъ никогда не видѣлъ, а именно, лучеиспусканіе нервной силы, превращеніе ее въ свѣтъ, въ динамическую работу, и все это внѣ тѣла, въ окружающемъ пространствѣ, являются плодомъ или глубокаго пренебреженія фактами или полнаго невѣдѣнія ихъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ни о какихъ индукціяхъ или лучеиспусканіяхъ психической силы изъ мозга въ мозгъ или изъ нерва въ нервъ и рѣчи быть не можетъ и, стало быть, остается только допустить, что „чтець“ руководится при угадываніи мыслей какими-нибудь внѣшними проявленіями психической дѣятельности индуктора, вовсе не сознаваемыми этимъ послѣднимъ.

Что ощущенія, представленія, пробѣгающія въ полѣ зрѣнія нашего сознанія, невольно отражаются на

дѣятельности разнообразныхъ органовъ нашего тѣла о томъ не мѣжетъ быть и тѣни сомнѣнія. Стоитъ мнѣ только напомнить вамъ нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что чувства горя и печали сопровождаются нерѣдко отдѣленіемъ слезъ; что представление о какой-нибудь вкусной пищѣ, въ особенности при голодѣ, вызываетъ въ насъ усиленное слюноотдѣленіе. Въ этихъ случаяхъ соотвѣтствующія ощущенія и представленія, возникая въ сферѣ нашихъ центровъ головного мозга, обуславливаютъ эксцентрическое распространеніе нервнаго возбужденія на слезо-отдѣлительные и слюно-отдѣлительные нервы и тѣмъ самымъ вызываютъ усиленную дѣятельность слезныхъ и слюнныхъ железъ.

При дѣйствіи холода на тѣло, поверхность кожи дѣлается, какъ извѣстно, шероховатой вслѣдствіе образованія такъ называемой гусиной кожи. Интересно, что нѣкоторые люди съ сильнымъ воображеніемъ могутъ, находясь въ теплой комнатѣ, по желанію вызывать эту гусиную кожу однимъ только воспроизведеніемъ представленія о холодѣ. И въ этомъ случаѣ одного этого представленія бываетъ достаточно, чтобы привести въ возбужденное состояніе нервы, управляющіе мышцами волосяныхъ луковицъ кожи, вызывающими при своемъ сокращеніи это своеобразное состояніе ея.

Кровеносные сосуды наши оказываются органами, реагирующими крайне чутко на всякія чувства, ощущенія, представленія, пробѣгающія черезъ наше

внутреннее психическое поле. При всякомъ мало-мальски сильномъ ощущеніи и представленіи, объемъ руки или ноги рѣзко уменьшается вслѣдствіе сокращенія сосудовъ. Уменьшеніе этого объема не бываетъ замѣтно на глазъ, но оно крайне легко улавливается особымъ аппаратомъ — плетизмографомъ Моссо и можетъ быть точно записано имъ на закопченномъ барабанѣ. Это сжатіе периферическихъ сосудовъ, сопровождающее теченіе различныхъ ощущеній и представлений, а также и всякій мыслительный процессъ, выражающійся хотя бы рѣшеніемъ простой арифметической задачи, обуславливается сокращеніемъ мышць стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, вызываемымъ эксцентрическимъ распространеніемъ нервного возбужденія съ центровъ ощущеній и представлений на нервы, управляющіе просвѣтомъ сосудовъ; и все это происходитъ помимо всякой воли человѣка и безъ малѣйшаго сознанія имъ происходящихъ въ немъ процессовъ ¹⁾.

Не менѣе тѣсную связь обнаруживаютъ и мышцы нашего скелета съ чувствами, ощущеніями и представленіями, протекающими въ полѣ зрѣнія нашего сознанія; но мы яснѣе всего сознаемъ лишь тѣ движенія нашихъ членовъ, которыя производятся по волѣ нашей, т. е. чисто волевыя или произвольныя движенія. Кромѣ нихъ, однако, существуетъ другая об-

¹⁾ Для большихъ подробностей по этому вопросу смотри лекціи мои „Психомоторные центры“ (отдѣльная книга) и „Психическія явленія и тѣлесные процессы“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1884 г. и книгу мою „Духъ и тѣло“ 1904 г.

ширная область движеній, производимыхъ тѣломъ и вовсе несознаваемыхъ человѣкомъ. Во-первыхъ, существуетъ область чисто отраженныхъ движеній, не осложняющихся никакимъ психическимъ элементомъ. Примѣромъ тому могутъ служить всѣ движенія, крайне цѣлесообразныя по своему характеру, производимыя отражательными центрами какъ головного, такъ и спинного мозга по преимуществу. Эти отражательные центры переносятъ возбужденіе съ чувствующихъ путей, на двигательные и вызываютъ черезъ то различныя формы чисто отраженныхъ движеній. Эти движенія мыслимы при полномъ отсутствіи сознанія и воли у спящихъ и обезглавленныхъ животныхъ.

Другой родъ произвольныхъ движеній это тотъ который сопровождаетъ различныя формы душевнаго волненія, возбуждающаго или угнетающаго характера, и выражается разнообразнѣйшей игрой лицевыхъ мышцъ и мышцъ всего тѣла и конечностей. Отсюда языкъ мимики и жестовъ, отчетливо выражающій характеръ господствующаго душевнаго настроенія и волненія. Каждому, конечно, извѣстно, что эта игра мышцъ происходитъ совершенно произвольно и подъ натискомъ только тѣхъ возбужденій, которыя исходятъ изъ дѣятельныхъ, при томъ или другомъ душевномъ волненіи, центровъ.

Наконецъ, третья и наиболѣе важная для разбираемаго нами вопроса область безсознательныхъ движеній, это та, которая обуславливается господствомъ опредѣленной ясно сознаваемой нами идеи, при напряженномъ ожиданіи ея осуществленія въ дѣйстви

(expectant attention англичанъ). Что идеи, состоящія изъ ряда представленій, могутъ сами по себѣ служить поводомъ къ движеніямъ, помимо всякаго участія сознанія и воли — блестящимъ примѣромъ тому могутъ служить сложныя и разнообразнѣйшія движенія, производимыя гипнотиками и лунатиками подъ вліяніемъ господствующихъ въ нихъ идей.

Движенія эти были уже давно названы Карпентеромъ идеомоторными движеніями, и легко доказать, что они всегда въ большей или меньшей степени существуютъ и у нормальныхъ здоровыхъ людей, находящихся въ состояніи полнаго бодрствованія. При напряженномъ ожиданіи осуществленія задуманной идеи, воля утрачиваетъ всякій контроль надъ мышцами, вслѣдствіе сосредоточиванія вниманія на задуманныхъ идеяхъ, а самое ожиданіе осуществленія извѣстнаго акта вызываетъ возбужденіе опредѣленныхъ нервныхъ центровъ, приводящихъ какъ разъ къ тѣмъ именно движеніямъ, которыя способствуютъ достиженію ожидаемаго результата, и все это, конечно, безъ малѣйшаго участія воли.

Постараюсь доказать вамъ на опытѣ, что подобныя идеомоторныя движенія обнаруживаются и у совершенно нормальныхъ людей, но только, конечно, не въ одинаковой степени у различныхъ людей и сообразно съ ихъ индивидуальными особенностями.

Возьмите въ руку нитку длиной въ одну треть аршина на концѣ которой взвѣшена металлическая гарька или шарикъ вѣсомъ около 10 граммъ. Постарайтесь прежде всего держать руку вашу въ полномъ

насколько возможно покоѣ и слѣдите зорко за тѣмъ, чтобы взвѣшенная тяжесть не давала бы никакихъ замѣтныхъ качаній. У большинства людей тяжесть эта все же не представляетъ полнаго покоя, вслѣдствіе невольныхъ дрожаній руки, но колебанія ея бываютъ крайне малы и притомъ отличаются очень неопредѣленнымъ характеромъ и совершаются беспорядочно во всевозможныхъ направленіяхъ. Пусть теперь лицо, производящее опытъ и зорко слѣдящее за взвѣшенной гирькой начнетъ упорно *представлять* себѣ ее раскачивающейся въ опредѣленной вертикальной плоскости, хотя бы напимѣрь взадъ и впередъ и сосредоточить всю силу своего вниманія на этомъ ожидаемомъ движеніи, не производя притомъ никакихъ сознательныхъ движеній рукой для достиженія этой цѣли. Къ величайшему удивленію своему, лицо это замѣтитъ, что спустя нѣсколько секундъ послѣ этого слабыя и неопредѣленные передъ тѣмъ движенія гирьки начинаютъ усиливаться, постепенно принимаютъ желаемое направленіе взадъ и впередъ, котораго она придерживается во все время, пока лицо, продѣлывающее опытъ, представляетъ себѣ именно это движеніе. Если при подобныхъ установившихся качаніяхъ гири начать представлять себѣ ея движеніе въ другой, перпендикулярной къ первой, плоскости, т. е. справа налѣво, и упорно настаивать на этомъ, то вскорѣ предшествующія правильныя качанія гири нарушаются, и она черезъ рядъ постепенныхъ косвенныхъ качаній переходитъ въ рядъ ожидаемыхъ маятнико-образныхъ колебаній справа налѣво и уста-

навливается на нихъ. И все это, повторяю, происходитъ помимо всякихъ волевыхъ сознаваемыхъ движеній руки экспериментирующаго лица и только въ силу господствующаго въ немъ двигательнаго представленія.

Было время, когда на опыты подобнаго рода смотрѣли какъ на выраженіе какого-то особаго магнетическаго вліянія задумывающаго лица на колеблющіеся предметы; дѣло, однако, какъ вы можете видѣть, объяснилось гораздо проще: если устранить передачу безсознательныхъ движеній вашей руки во время этого опыта на гирию тѣмъ, что вы завернете нитку хотя бы разъ вокругъ какой-нибудь твердой неподвижно-установленной горизонтальной полосы, то не смотря на то, что гирия также взвѣшена, какъ и прежде, и что вы продолжаете держать нитку за верхній ея конецъ, гирия ни въ какомъ случаѣ не сдвинется съ мѣста, какъ бы ни было сильно желаніе привести ее въ движеніе. Очевидно, что дѣло тутъ въ мелкихъ безсознательныхъ идео-моторныхъ движеніяхъ, совершающихся всегда въ направленіи ожидаемаго движенія; эти мелкія, незамѣтныя для сознанія нашего, движенія, суммируясь другъ съ другомъ, даютъ въ общемъ результатъ ожидаемый эффектъ общаго массоваго движенія гири.

Для того, чтобы сдѣлать доступнымъ всѣмъ вамъ результаты этого опыта, я придалъ этому послѣднему слѣдующую форму. Маленькая гиричка взвѣшена не на простой ниткѣ, а на такой же тонкой металлической проволоцѣ, проводящей постоянный электриче-

скій токъ (отъ любого элемента), въ цѣпь котораго включенъ электрическій звонокъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ гирьки установленъ металлическій столбикъ, представляющій одинъ изъ полюсовъ даннаго тока; другимъ же полюсомъ является сама гирька. При покойномъ положеніи ея токъ разомкнутъ и звонокъ молчитъ; но какъ только подъ вліяніемъ идео-моторныхъ движеній руки гиря приведется въ опредѣленные колебанія, то при каждомъ прикасаніи ея къ возлѣ установленному металлическому столбику токъ будетъ замыкаться и звукъ электрическаго звонка на всю залу будетъ отмѣчать періодическія колебанія гирьки.

А вотъ и другая форма обнаруженія идео-моторныхъ движеній у нормальныхъ людей и при нормальныхъ условіяхъ.

Вытянутый указательный палецъ правой руки помещается въ особый выстроенный для этого случая аппаратъ и упирается съ боковъ, сверху и снизу въ пуговицы, придѣланныя къ центру четырехъ полыхъ гуттаперчевыхъ подушекъ *a, b, c, d*, (рис. 6), неподвижно укрѣпленныхъ на четырехъ стѣнкахъ деревянной рамы *A*. Двѣ стѣнки этой рамы—верхняя и лѣвая—представляются подвижными и позволяютъ произвести точную установку пуговокъ соответствующихъ подушечекъ на вложенный въ аппаратъ палецъ, послѣ чего подвижныя стѣнки укрѣпляются приспособленными для этого винтами. Въ аппаратъ вставляется лишь кончикъ пальца, т. е. третья фаланга его, остальная же часть руки спокойно лежитъ на обыкновен-

ныхъ подушкахъ. Воздухъ, находящійся въ гуттаперчевыхъ подушечкахъ, при посредствѣ полыхъ резиновыхъ трубокъ, сообщается съ полостью другихъ полыхъ барабанчиковъ *e* и *f*, такъ называемыхъ полиграфовъ Мареля, установленныхъ на подставкѣ *B*, и одна верхняя упругая стѣнка которыхъ съ придѣланнымъ къ ней длиннымъ рычагомъ *g* и *h* приподни-

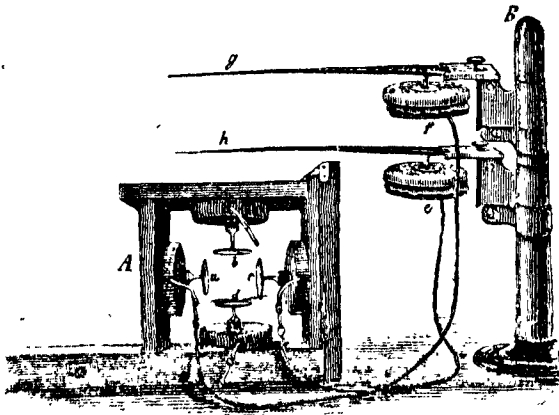

Рис. 6.

мается и опускается при сгущеніи и при разряженіи въ нихъ воздуха.

Всякое малѣйшее движеніе пальца, помѣщеннаго въ аппаратъ—вправо, влѣво, вверхъ и внизъ, надавливая на соотвѣтствующія гуттаперчевыя подушечки, выгоняетъ изъ нихъ воздухъ, который чрезъ каучуковыя трубки давить въ свою очередь на упругія перепонки полиграфовъ и приподнимаетъ укрѣпленные

на нихъ записывающіе рычаги *g* и *h*. На рис. 6 изображено лишь соединеніе только двухъ боковыхъ подушечекъ *a* и *c* съ двумя полиграфами, тогда какъ въ дѣйствительности и остальные двѣ подушечки верхняя и нижняя, бывають тоже соединены съ двумя другими полиграфами.

Приступимъ теперь къ самому опыту: вложимъ палецъ указаннымъ способомъ въ аппаратъ и попросимъ человѣка держать его по возможности неподвижно; не смотря на все его стараніе рычаги полиграфовъ представляютъ мелкія колебанія безъ всякой правильности, при чемъ двигаются рычаги, соотвѣтствующіе то боковымъ движеніямъ пальца, то движеніямъ его вверхъ и внизъ. Эти безпорядочныя мелкія движенія рычаговъ, соотвѣтствующія произвольнымъ дрожаніямъ пальца, можно записать на какомъ-нибудь равномерно вращающемся закопченномъ барабанѣ или сдѣлать ихъ доступными всей аудиторіи, проецируя на экранъ тѣнь отъ колеблющихся рычаговъ.

Пусть теперь субъектъ, палецъ котораго вставленъ въ аппаратъ, упорно начнетъ представлять себѣ движеніе пальца вправо, какъ чрезъ нѣсколько секундъ мелкія дрожанія рычаговъ начнутъ постепенно стираться и вмѣсто нихъ начинаетъ отчетливо выступать ровное и усиливающееся движеніе рычага того полиграфа, который связанъ съ правой гутталерчевой подушечкой нашего аппарата. Очевидно, что надавливаніе пальцемъ на эту правую подушечку совершилось помимо всякаго волевого сознательнаго усилія человѣка и только въ силу господствующаго двига-

тельного представлѣнія вправо. Пусть теперь человѣкъ перестанетъ представлять себѣ движеніе вправо и замѣнитъ это представленіе движеніемъ влѣво. Эффектъ бываетъ иногда поразительный; послѣ нѣкотораго дрожанія иногда всѣхъ рычаговъ вскорѣ начинаетъ выступать рѣзкое и притомъ усиливающееся движеніе лѣваго рычага, указывающее на совершившееся уже движеніе пальца влѣво. То же самое получается и при представленіи движеній вверхъ и внизъ, записываемыхъ отдѣльными полиграфами. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что одного упорнаго представлѣнія

Рис. 7.

о движеніи бываетъ достаточно, чтобы вызвать его въ большей или меньшей степени въ намѣченномъ направленіи.

Привожу здѣсь двѣ отдѣльных кривыхъ, записанныхъ рычагами полиграфа на закопченномъ барабанѣ при упорномъ представленіи движенія пальца сперва вправо, а затѣмъ влѣво (рис. 7).

Линія 1 записана рычагомъ, соединеннымъ съ правой подушечкой аппарата, а линія 2 рычагомъ, соединеннымъ съ лѣвой подушечкой. Въ мѣстахъ, гдѣ поставлены крестики, субъектъ начинаетъ упорно пред-

ставлять себѣ движеніе въ одномъ случаѣ вправо, въ другомъ случаѣ влѣво. Эффектъ, выражающійся приподнятіемъ кривой въ формѣ горы, какъ вы видите, рѣзкій, а между тѣмъ дѣйствовавшій субъектъ вовсе и не подозрѣвалъ о немъ и упорно отрицалъ всякое сознательное участіе въ вызовѣ его.

Представьте теперь себѣ, что на мѣстѣ этихъ подушечекъ, на которыя бессознательно давить палецъ въ нашемъ аппаратѣ, находится живой человѣкъ, отлично чувствующій малѣйшія надавливанія, толчки, тяги, то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ, сообразно съ направлениемъ, въ которомъ лежитъ задуманная вещь, и вамъ сразу станетъ яснымъ то значеніе, которое могутъ имѣть эти бессознательные толчки въ дѣлѣ опредѣленія чтецомъ мѣста, на которомъ находится задуманная вещь.

Съ другой стороны, представьте, что вмѣсто этихъ подушечекъ нашего аппарата и вмѣсто человѣка находится какой-нибудь столъ, способный передвигаться, кружиться подъ вліяніемъ этихъ идеомоторныхъ движеній, и вотъ вамъ уже источникъ, объясняющій загадочныя явленія верченія, приподнятія столовъ при цѣпи наложенныхъ на нихъ пальцевъ во время спиритическихъ сеансовъ. Необходимо замѣтить, что эти идеомоторныя движенія, въ особенности при столоверченіи, не сознаются еще и потому, что чувствительность кожи, въ особенности въ мѣстахъ прикосновенія пальцевъ къ столу, обыкновенно рѣзко притупляется, какъ на это указалъ Спиро, и то же самое вѣроятно происходитъ и въ случаѣ при-

косновенія пальцевъ къ подушечкамъ нашего аппарата, а также и къ субъекту, угадывающему наши мысли, вслѣдствіе сильнаго отвлеченія вниманія въ сторону задуманной цѣли.

Обнаружить существованіе этихъ идеомоторныхъ движеній нашихъ рукъ возможно еще и въ другой формѣ. Если взять карандашъ въ руки, слегка опереть кончикъ его на бумагу и сосредоточенно представлять себѣ какую-нибудь букву или цифру, то вскорѣ и то и другое будетъ написано вами и притомъ помимо всякаго участія нашей воли. Такимъ образомъ могутъ быть написаны цѣлыя фразы или ряды чиселъ, если только послѣдовательно представлять себѣ каждую букву или цифру, входящія въ составъ словъ или чиселъ.

Идеомоторными движеніями объясняются и явленія слѣдующаго рода, замѣченныя Спиро. Если рука субъекта опирается на аппаратъ, свободно двигающійся по столу и снабженный снизу карандашемъ, то она нерѣдко безсознательно чертитъ имъ фигуру то четырехугольника, то треугольника, то круга, смотря по тому, какова преобладающая форма предмета, на который случайно и продолжительно былъ устремленъ взглядъ даннаго субъекта. Очевидно, что и здѣсь преобладающее представленіе о формѣ вызвало независимо отъ воли и почти безсознательно воспроизведеніе этой формы идеомоторными движеніями руки.

Впрочемъ, эти идеомоторныя движенія наблюдаются не только въ сферѣ конечностей, но и глазъ и туловища, въ чемъ легко можетъ убѣдиться каждый. Для

этого стоитъ взять любого человѣка, незнающаго чего вы отъ него добиваетесь, и попросить его упорно представлять себѣ любую вещь, лежащую отъ него вправо. Если не сразу, то вскорѣ вы замѣтите, что глазныя яблоки его поворачиваются незамѣтно для него самого вправо и если вновь возвращаются на мѣсто, то все же несравненно чаще устремляются вправо, чѣмъ влѣво; туловище его невольно обнаруживаетъ легкую склонность поворота, т. е. становится нѣсколько лѣвымъ плечомъ впередъ, и наоборотъ, при представленіи о вещи, лежащей влѣво, глазныя яблоки его и туловище поворачиваются въ противоположномъ направленіи; при представленіи же вещи, лежащей кверху или книзу, глазныя яблоки обнаруживаютъ слабыя движенія кверху и книзу. ✓

Интересно было прослѣдить болѣе точно идеомоторныя движенія такой грузной сравнительно части тѣла, каково туловище взрослога человѣка, и съ этой цѣлью я прибѣгъ къ слѣдующей формѣ опыта. Противу лѣваго и праваго плеча спокойно стоящаго человѣка приблизительно на мѣстѣ наружнаго конца ключицы неподвижно устанавливались на отдѣльныхъ устояхъ двѣ полыхъ гуттаперчевыхъ подушечки въ родѣ тѣхъ, которыя были указаны на рис. 6. Каждая подушечка сообщалась при помощи резиновой трубки съ отдѣльнымъ полиграфомъ, рычагъ котораго долженъ былъ отмѣчать своимъ движеніемъ малѣйшія надавливанія того или другаго плеча на приложенную къ нему подушечку. Опытъ начинался съ того, что субъектъ подводился къ этимъ двумъ подушечкамъ

настолько близко, чтобы онъ слегка только касались до указанныхъ мѣстъ тѣла спереди.

Какъ бы покойно ни старался теперь держать себя субъектъ, рычаги полиграфовъ все же обнаруживали нѣкоторыя слабыя беспорядочныя колебанія то одновременно, то порознь, свидѣтельствующія о существованіи и при покойномъ съ виду состояніи тѣла слабыхъ колебательныхъ движеній туловища. Стоило, однако, предложить человѣку сосредоточенно думать о вещи, лежащей *направо* отъ него, какъ картина вскорѣ рѣзко измѣнялась: рычагъ, записывавшій движенія лѣваго плеча впередъ, начиналъ рѣзко подниматься, тогда какъ рычагъ отъ праваго плеча переходилъ въ полный покой; картина получалась конечно обратная, какъ только субъектъ начиналъ думать о

Рис. 8.

вещи, лежащей *налѣво*. Привожу здѣсь кривую колебаній рычага, записывающаго движенія впередъ лѣваго плеча при представленіи о вещи, лежащей *вправо* (рис. 8).

Кривая эта очень характерна. Часть ея съ лѣваго конца до крестика записана при такомъ состояніи субъекта, когда онъ не думалъ ни о чемъ опредѣленномъ. Начиная же съ крестика, субъектъ упорно началъ думать о вещи, лежащей *справа*, и этого уже было достаточно, чтобы вызвать волнообразныя при-

поднятія рычага, указывающія на періодическія передвиженія лѣваго плеча впередъ. Періодичность этихъ волнообразныхъ колебаній рычага ясно указываетъ на то, что когда невольное безсознательное движеніе лѣваго плеча впередъ достигало опредѣленнаго размѣра, то оно уже ощущалось субъектомъ и вызывало съ его стороны поправку, т. е. приведеніе тѣла въ прежнее положеніе; но продолжая думать о вещи, лежащей справа, лѣвое плечо вновь за этимъ передвигалось впередъ, и такъ все время, пока человѣкъ продолжалъ свою думу.

Мы видимъ такимъ образомъ, что двигательныя представленія, а равно и представленія о положеніи предметовъ въ пространствѣ, сопровождаются рядомъ слабыхъ, иногда едва замѣтныхъ мышечныхъ движеній различныхъ органовъ нашего тѣла, и именно такихъ движеній, которыя участвовали съ самаго начала жизни въ развитіи опредѣленныхъ двигательныхъ и пространственныхъ представленій.

Изъ теоріи развитія нашихъ пространственныхъ представленій намъ хорошо вообще извѣстно, что главнымъ психо-физиологическимъ элементомъ, лежащимъ въ основѣ ихъ, является вся область мышечнаго чувства, сопровождающая различныя формы мышечныхъ движеній. Отдѣленіе своего я отъ окружающаго пространства, оцѣнка отношеній нашего тѣла къ окружающимъ предметамъ, локалізація предметовъ въ окружающемъ пространствѣ, и т. д., производится нами съ первыхъ же дней жизни при помощи опредѣленныхъ мышечныхъ движеній различныхъ органовъ

нашего тѣла—глазъ, рукъ, ногъ, шеи, туловища и т. д. Неудивительно поэтому, что между нашими пространственными представленіями, обнимающими собою всю область двигательныхъ представленій, и между соотвѣтствующими имъ мышечными движеніями устанавливается прочная ассоціація, которая и обнаруживается у совершенно нормальнаго человѣка въ формѣ разобранныхъ нами только что идеомоторныхъ движеній. Эти послѣднія естественно должны поэтому отсутствовать при возникновеніи въ нашемъ сознаниіи ощущеній и представленій, не имѣющихъ чисто пространственнаго характера, выражающихъ собою лишь качественныя стороны разнообразныхъ воспріятій. И въ самомъ дѣлѣ, представленія о звукахъ, свѣтѣ, цвѣтѣ, запахѣ, и т. д., не сопровождаются никакими опредѣленными идеомоторными движеніями за исключеніемъ только тѣхъ едва замѣтныхъ движеній губъ и языка, которыя участвуютъ въ актѣ произнесенія словъ, условно выражающихъ эти ощущенія и представленія.

Для разбираемаго нами вопроса существенную важность представляетъ и эта прочная ассоціація, устанавливаемая упражненіемъ между мысленными словесными образами и мышечными движеніями языка и губъ, необходимыми для гласнаго произнесенія этихъ словъ. Такъ какъ большинство людей мыслить при посредствѣ словесныхъ образовъ, а эти послѣдніе сопровождаются въ большей или меньшей степени ассоцірованными съ ними и притомъ бессознательными движеніями губъ и языка, то по этимъ послѣд-

нимъ легко бываетъ иногда угадать и мысли и представления, пробѣгающія чрезъ внутреннее поле сознанія человѣка.

Вы видите такимъ образомъ, что благодаря этому разнообразному и притомъ несознаваемому самимъ человѣкомъ міру идеомоторныхъ движеній, чтець мыслей имѣетъ много внѣшнихъ признаковъ для угадыванія задуманной цѣли. Онъ и приходитъ въ сообщеніе съ своимъ индукторомъ при помощи этого нѣмого языка идеомоторныхъ движеній; но такъ какъ эти послѣднія обыкновенно не сознаются самимъ индукторомъ, производящимъ эти движенія, а задуманная цѣль выполняется чтецомъ, то сознаніе наше и заключаетъ, что весь актъ выполняется подъ вліяніемъ непосредственнаго дѣйствія нашей мысли на чтеца, т. е.

мысль какъ бы непосредственно передается ему, и въ этомъ-то и заключается весь невольный самообманъ, столь поражающій созерцающую эти опыты публику.

Въ сущности чтецу мыслей остается только изучить тотъ нѣмой языкъ идеомоторныхъ движеній, дать себѣ отчетъ въ томъ, когда его тянуть вправо, когда лѣво, гдѣ его останавливаютъ и гдѣ невольнымъ толчкомъ дадутъ ему знать, что онъ находится у задуманной цѣли. Безъ навыка въ этомъ отношеніи не можетъ быть и выполненія задуманныхъ задачъ; подобно тому какъ и лошадь, попавшая впервые въпряжь, не понимаетъ чего отъ нея требуетъ кучеръ при натягиваніи правой или лѣвой возжи, когда слѣдуетъ ей остановиться, когда начать бѣгъ, и т. д., и только путемъ дрессировки достигаетъ того, что ма-

лѣйшее движеніе возжей она оцѣниваетъ правильно и становится послушнымъ чтецомъ мыслей своего кучера.

Въ какія же отношенія ставить себя чтець мыслей къ своему индуктору для улавливанія этого нѣмого языка идеомоторныхъ движеній?

Опыты дѣлаются, какъ вамъ извѣстно, въ тройкой формѣ: во-первыхъ, при непосредственномъ прикасаніи индуктора къ чтецу; во-вторыхъ, при связи ихъ чрезъ цѣпочку и въ-третьихъ, на разстояніи. Объ этой послѣдней и наиболѣе трудной формѣ опыта мы поговоримъ въ концѣ нашей бесѣды.

Что касается до первыхъ двухъ формъ опытовъ то онѣ производятся чтецомъ обыкновенно съ завязанными или съ закрытыми глазами, или, наконецъ, онъ прикрываетъ ихъ весьма темными очками. Приѣмъ этотъ весьма понятенъ. Чтецу приходится руководиться въ этомъ случаѣ бессознательными идеомоторными движеніями своего индуктора, воспринимаемыми какъ въ формѣ кожныхъ ощущеній давленія, нажатія, толчковъ такъ и въ формѣ той или иной тяги и сопротивленія, оказываемыхъ индукторомъ на различныя части тѣла чтеца. Очевидно, что этотъ послѣдній долженъ всецѣло сосредоточиться на колебаніяхъ своихъ кожныхъ ощущеній и колебаніяхъ мышечнаго чувства. Единственный способъ для этого—это устранить всю сферу другихъ впечатлѣній, падающихъ на органы чувствъ и въ особенности свѣтовыхъ впечатлѣній, столь растревающихъ вниманіе и прелѣтствующихъ сосредоточиванію чловѣка въ одномъ только направленіи. С

тою же цѣлью чтець мыслей во время сеанса старается обыкновенно не думать ни о чемъ и не пускается ни въ какія сложныя догадки и предположенія, такъ какъ всякая подобная работа мысли, отвлекая часть вниманія, тѣмъ самымъ ослабляетъ сосредоточиваніе его всею своею силою на кожномъ и мышечномъ чувствахъ.

Это ненормальное, насильственное, иногда весьма продолжительное, одностороннее сосредоточиваніе вниманія достигается путемъ затраты не малыхъ усилій воли, влѣдствіе чего результатомъ подобнаго рода сеансовъ, въ особенности для непривычнаго чтеца мыслей, бываетъ нерѣдко сильное утомленіе, истощеніе, головныя боли, невралгіи и т. п. Съ другой стороны, такое одностороннее и продолжительное сосредоточиваніе вниманія на ощущеніяхъ одного только рода иногда крайне повышаетъ кожную возбудимость и мышечное чувство и переводитъ нѣкоторыхъ чтецовъ въ состояніе, напоминающее начальныя фазы гипноза, безъ потери еще сознанія, при которыхъ, какъ это было указано Бергеромъ, повышается воспримчивость чувствъ почти всѣхъ безъ исключенія.

Сходство этого состоянія съ состояніемъ гипноза сказывается на нѣкоторыхъ чтецахъ мыслей еще тѣмъ что сеансъ иногда прерывается или оканчивается общимъ припадкомъ судорогъ; потерей сознанія, и т. д. Зная эти факты, едва ли можно относиться сочувственно къ общераспространенному когда то увлеченію повторенія этихъ опытовъ въ видѣ забавы въ семейномъ кругу, въ учебныхъ заведеніяхъ; и т. д., такъ какъ такого рода игры могутъ, при частомъ повтореніи, несомнѣнно

вредно отражаться на здоровьѣ нервныхъ людей и въ особенности дѣтей съ неустойчивой еще нервной системой.

Мы видимъ такимъ образомъ, что мѣры, принимаемая чтецомъ мыслей, способствуютъ полному сосредоточиванію его вниманія на кожныхъ ощущеніяхъ и на мышечномъ чувствѣ, путемъ которыхъ онъ зорко слѣдитъ за бессознательными идео-моторными движеніями своего индуктора.

Что же, однако, можетъ угадывать чтець, руководясь этимъ нѣмымъ языкомъ бессознательныхъ идеомоторныхъ движеній своего индуктора, т. е. какого рода задачи подлежатъ его рѣшенію?

Всѣ задачи, за угадываніе которыхъ берутся обыкновенно чтецы мыслей, сводятся къ отысканію спрятаннаго предмета или указанію задуманнаго лица, къ передачѣ отысканнаго предмета другому лицу, къ отысканію буквы или слова на опредѣленной страницѣ книги, къ написанію задуманныхъ чиселъ или словъ, къ отысканію буквы или слова на опредѣленной страницѣ книги, къ написанію задуманныхъ чиселъ или словъ, къ отысканію нотъ извѣстной мелодіи, и т. д. и т. д. Словомъ, всѣ задачи эти сводятся къ какимъ-нибудь двигательнымъ представленіямъ, т. е. къ совершенію опредѣленныхъ двигательныхъ актовъ. При томъ угадываніе задуманныхъ чиселъ, словъ мелодій совершается только при непосредственномъ прикасаніи руки индуктора къ рукѣ чтеца, тогда какъ остальные перечисленные акты совершаются и при другихъ формахъ соприкасанія или при связи посредствомъ цѣпочки.

Ни единой отвлеченной, хотя бы самой простѣй-

шей мысли, въ родѣ задумыванія, напр., того, что дважды два четыре, или что солнце грѣетъ, и т. д., чтецы мыслей не въ состояніи никогда угадать и наотрѣзъ отказываются отъ всякой попытки рѣшать подобнаго рода задачи; да оно и понятно, такъ какъ подобнаго рода идеи, не заключаая въ себѣ никакихъ двигательныхъ представленій, не сопровождаются никогда никакими опредѣленными идеомоторными движеніями, которыя могли бы служить обычными руководителями чтеца при угадываніи задуманной мысли.

Впрочемъ, мы должны здѣсь оговориться. Бываютъ и при этомъ иногда хотя и рѣдкіе случаи угадыванія, но только въ этомъ случаѣ чтець просто уже руководится невольными движеніями губъ а также, и едва уловимымъ шопотомъ индуктора, выдающими невольно задуманную имъ мысль. Другими словами, чтець мыслей по движеніямъ губъ и по шопоту воспроизводитъ слова, о которыхъ мысленно думаетъ индукторъ. Обстоятельство это крайне важно, когда имѣютъ дѣло съ неоткровенными профессиональными чтецами мыслей и обязываетъ при производствѣ строгихъ контрольныхъ опытовъ во всѣхъ случаяхъ абсолютно устранять какъ зрѣніе, такъ и слухъ чтеца мыслей примѣненіемъ надлежащихъ мѣръ.

Такимъ образомъ, чтець мыслей можетъ оперировать лишь въ очень ограниченномъ кругѣ задачъ, имѣющихъ всегда то или другое отношеніе къ движению его членовъ.

Такъ какъ мы видѣли, что самый искусный чтець мыслей не можетъ угадать самой простой отвлеченной

мысли, то понятно, что онъ и не въ состояніи проникнуть напередъ въ планъ задуманной вами гораздо болѣе сложной задачи, относящейся къ отысканію за-прятанной вещи или къ перемѣщенію лицъ съ изображеніемъ изъ нихъ опредѣленной сцены, и т. д., и что все, на что онъ бываетъ способенъ, сводится лишь къ послѣдовательному отысканію мѣста, на которомъ лежитъ неизвѣстная ему вещь или нота, къ перемѣщенію вещи или лица въ другое мѣсто, къ придачѣ вещи или лицу или членамъ его и своимъ членамъ другого положенія въ пространствѣ, причемъ руководителемъ во всемъ этомъ служатъ бессознательныя идеомоторныя движенія индуктора, производимыя имъ при господствующемъ въ немъ представленіи—вернуть влѣво, остановиться, поднять руку, и т. д. Эти бессознательныя толчки и тяги то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ и во всякихъ другихъ направленіяхъ, эти влеченія индуктора и сопротивленіе, оказываемое имъ при извѣстныхъ невѣрныхъ движеніяхъ чтеца и служатъ руководящими моментами, приводящими этого послѣдняго къ цѣли.

Вспомните, въ какой формѣ обыкновенно продѣлывается опытъ чтенія мыслей. Чтець проситъ васъ напередъ думать не только о конечной цѣли, но и расчлененно слѣдить за производимыми имъ движеніями и мысленно исправлять его ошибки. Лежитъ, напр., за-прятанная вещь позади, а онъ идетъ впередъ, вы, держа его за руку или будучи связаны съ нимъ цѣпочкой, должны мысленно говорить себѣ „назадъ“ или представлять обратное движеніе; то же самое съ дви-

женіями вправо, влѣво, и т. д. Мы уже доказали, однако, что одного упорнаго представленія объ ожидаемомъ направленіи движенія уже достаточно, чтобы вызвать соотвѣтствующее идеомоторное, несознаваемое нами движеніе въ рукѣ и пальцахъ, туловищѣ и т. д., которое дѣйствуя на мышечное и кожное чувство чтеца, является для него сигналомъ, указывающимъ ему истинное направленіе, котораго ему слѣдуетъ держаться; достиженіе имъ цѣли сказывается нерѣдко несознаваемымъ, но производимымъ нами, толчкомъ съ послѣдующимъ расслабленіемъ мышцъ, которое отлично понимается искуснымъ чтецомъ мыслей.

Конечно, при этомъ слѣдуетъ допустить, что въ механизмѣ угадыванія мыслей принимаетъ нѣкоторую долю участія и невольная ассоціація идей. Такъ, представьте себѣ, что рука чтеца, руководясь идеомоторными движеніями, толчками и влеченіе индуктора, была приведена къ боковому карману жилета, въ которомъ лежатъ обыкновенно часы. Очевидно, что чтець не остановится на этомъ, а по ассоціаціи идей доберется и до часовъ и выжидаетъ дальнѣйшихъ сигналовъ, которые могли бы указать ему дальше, что слѣдуетъ ему дѣлать съ этими часами: вынуть ли ихъ и передать другому лицу или просто положить ихъ на столъ, и т. д. Въ другомъ случаѣ чтець, руководясь этими толчками, влеченіемъ своего индуктора, открываетъ на фортеціано первыя ноты знакомой ему мелодіи — остальное уже очевидно дополняется имъ по ассоціаціи звуковъ знакомой ему мелодіи и воспроизводится иногда съ неимовѣрной быстротой.

Не подлежит сомнѣнію, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ чтецъ мыслей знакомъ съ музыкой и владѣеть тѣмъ именно музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ онъ легко воспроизводитъ задуманную мелодію или пьесу; противоположныя же его утвержденія не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Впрочемъ убѣдиться въ этомъ можно было бы очень легко, предложивъ чтецамъ угадать и быстро сыграть задуманную мелодію не на одномъ только излюбленномъ ими инструментѣ—фортепіано или рояли, а на скрипкѣ, цитрѣ, віолончели и т. д. Опытъ этотъ былъ бы всегда неудаченъ. Важно, чтобы самъ индукторъ былъ музыкантомъ, владѣющимъ инструментомъ, на которомъ воспроизводится задуманная мелодія, еще и потому, что безъ этого условія индукторъ не могъ бы руководить движеніями руки чтеца, останавливать ее на нотахъ, которыя должны быть взяты, и оттягивать ее отъ нотъ ненужныхъ; при индукторѣ же, незнакомомъ съ нотами любого инструмента, чтецъ мыслей совершенно безсиленъ угадать мелодію, какъ бы долго и упорно ни думалъ о ней мысленно индукторъ.

Чтецы мыслей имѣютъ въ большинствѣ случаевъ обыкновеніе производить опыты отысканія вещей, лицъ и т. д. при очень быстромъ движеніи ихъ съ индукторомъ и пускаются почти сразу въ бѣгъ. Этотъ приемъ весьма понятенъ, если вспомнить, что индукторъ при этомъ теряетъ всякое самообладаніе и становится почти въ полную невозможность контролировать всю сферу своихъ идеомоторныхъ движеній; толчки, тяги, влеченія, сопротивленія, оказываемые ин-

дукторомъ на чтеца, являются при этомъ несравненно болѣе выраженными, и этотъ послѣдній имѣетъ въ распоряженіи своемъ болѣе рѣзкіе сигналы, руководящія направленіемъ его движеній. Притомъ, общее возбужденіе чтеца при бѣгѣ дѣлаетъ его болѣе воспримчивымъ къ указаніямъ его кожного и мышечнаго чувства.

Я долженъ указать вамъ еще на одинъ моментъ, играющій не малую роль въ достиженіи чтецомъ задуманной индукторомъ цѣли и имѣющей мѣсто въ случаѣ, когда опыты производятся въ многолюдномъ собраніи, передъ массой увлеченныхъ зрителей. Обыкновенно, когда чтець находится далеко отъ цѣли, собраніе относится къ нему холодно, молчаливо; по мѣрѣ приближенія къ цѣли собраніе оживляется, появляется невольный легкій шумъ, волненіе, которые разряжаются нерѣдко невольными апплодисментами при достиженіи цѣли. Ловкій чтець мыслей умѣетъ пользоваться всѣми этими побочными условіями для оцѣнки того, находится ли онъ у цѣли или нѣтъ.

Итакъ, сводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что чтецы рѣшаютъ лишь тѣ задуманныя задачи, которыя сопровождаются со стороны индуктора безсознательными идеомоторными движеніями, т. е. лишь такія задачи, которыя состоятъ изъ ряда двигательныхъ представленій. Задачи другого рода, состоящія изъ ряда чисто отвлеченныхъ идей и представленій вовсе недоступны ихъ рѣшенію.

Уже изъ этого одного вы бы могли справедливо заключить, что чтець мыслей вовсе не заслуживаетъ

своего названія, такъ какъ онъ читаетъ вовсе не мысли, а улавливаетъ только бессознательные толчки, посылаемые индукторомъ на чувствующую поверхность его кожи и различаетъ своимъ мышечнымъ чувствомъ малѣйшія влеченія и сопротивленія, оказываемыя индукторомъ на его тѣло. Такимъ образомъ, чтець является въ дѣлѣ угадыванія въ сущности совершенно пассивнымъ лицомъ, влекомымъ къ цѣли самимъ индукторомъ, малѣйшимъ толчкамъ котораго безпрекословно подчиняется чтець. Слѣдовательно отгадывателемъ задуманнаго предмета, задуманнаго числа или мелодіи является въ сущности самъ индукторъ, выдающій себя чтецу своими идеомоторными движеніями. Вся же иллюзія какъ индуктора, такъ и остальныхъ зрителей основана на томъ, что эти толчки, эти влеченія, путемъ которыхъ устанавливается общеніе между индукторомъ и чтецомъ, остаются незамѣтными и не сознаются ни индукторомъ, ни зрителями; результатомъ всего этого является извращеніе дѣйствительности, и чтець представляется активнымъ лицомъ, а индукторъ пассивнымъ.

Въ пользу того, что въ опытахъ угадыванія мыслей индукторъ является активнымъ лицомъ, благодаря производимымъ имъ идеомоторнымъ движеніямъ, говорятъ еще слѣдующихъ два важныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, если завязать индуктору глаза и лишить его тѣмъ самымъ возможности исправлять ошибочныя движенія чтеца, то послѣдній никогда или только случайно достигаетъ цѣли. Очевидно, что направляющимъ лицомъ или лицомъ, ведущимъ чтеца

къ цѣли, является самъ индукторъ; онъ оттягиваетъ, предохраняетъ его безсознательно отъ неправильныхъ движеній и толкаетъ его въ сторону задуманной цѣли.

Во-вторыхъ, люди съ слабо развитыми идеомоторными движеніями и люди, владѣющіе хорошо своими мышцами, даже при напряженномъ ожиданіи выполненія задуманнаго двигательнаго представленія, являются плохими или вовсе никуда негодными индукторами, съ которыми чтецы мыслей отказываются наотрѣзъ угадывать что бы то ни было.

Такихъ людей крайне легко опредѣлить, какъ это я убѣдился путемъ вышеуказаннаго опыта съ движеніемъ гири, взвѣшенной на пальцѣ. Если кто-либо, взявъ въ руки нитку со взвѣшенной на ней небольшой гирей, послѣ упорнаго ожиданія движенія этой гири въ опредѣленномъ направленіи вскорѣ дѣйствительно получить ожидаемое ея движеніе, то такой субъектъ оказывается хорошимъ индукторомъ—и тѣмъ лучшимъ, чѣмъ быстрѣе получаютъ эти идеомоторныя движенія и чѣмъ сильнѣе бываютъ они выражены, и наоборотъ, существуютъ, хотя несравненно рѣже, субъекты, у которыхъ эти идеомоторныя движенія бываютъ выражены весьма слабо или даже вовсе не получаютъ и такія личности оказываются никуда негодными индукторами.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, простой и довольно вѣрный способъ разсортировки людей на плохихъ и хорошихъ индукторовъ и въ то же время фактъ этотъ несомнѣнно доказываетъ, что механизмомъ общенія

между индукторомъ и чтцомъ мыслей является именно эта сфера бессознательныхъ идеомоторныхъ движеній.

Да, скажете вы, все это крайне правдоподобно и весьма вѣроятно, но все же еще не можетъ считаться доказаннымъ. Чтобы устранить всякія подозрѣнія въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ доказать, во-первыхъ, что подобнаго рода бессознательныя движенія, толчки со стороны индуктора дѣйствительно имѣютъ мѣсто во время самаго чтенія мыслей, и во-вторыхъ, что тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ или гдѣ возможность ихъ передачи исключена, тамъ и не можетъ быть никакого угадыванія. И то и другое слѣдуетъ доказать для двухъ формъ опытовъ: при непосредственномъ соприкосновеніи индуктора къ чтцу и при связи ихъ чрезъ цѣпочку.

До сихъ поръ мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать опытовъ, направленныхъ къ рѣшенію этой задачи, за исключеніемъ развѣ одного опыта Прейера, который является, однако, не безупречнымъ. Во время писанія чтцомъ задуманнаго слова или цифры, авторъ этотъ прикрѣплялъ сбоку руки индуктора рычажокъ движенія котораго могли записываться на законченномъ вращающемся барабанѣ, и замѣтилъ, что рычагъ этотъ писалъ на барабанѣ то, что писала рука чтца на доскѣ. Отсюда авторъ заключилъ, что рука индуктора производитъ сама движенія, которыя передаются пассивно повинующейся рукѣ чтца; хотя заключеніе это вѣрно, но оно отнюдь не вытекаетъ изъ условій самаго опыта. Можно было бы съ такимъ же правомъ

сказать, что рука индуктора пишетъ на барабанѣ потому, что ее волочить рука чтеца, дѣйствующая при этомъ самостоятельно.

Кромѣ этого, по моему мнѣнію, не вполне удачнаго опыта, въ литературѣ, насколько мнѣ извѣстно не существуетъ нигдѣ попытки къ обнаруженію этихъ бессознательныхъ движеній во время самаго опыта чтенія мыслей, вслѣдствіе чего мнѣ и пришлось построить нѣкоторые, очень простые, но въ то же время очень чувствительные аппараты, дающіе возможность графическаго изображенія этихъ движеній или обнаруженія ихъ въ формѣ телефоническихъ звуковъ и звуковъ электрическихъ звонковъ.

Прежде всего позвольте условиться въ самой формѣ опыта чтенія мыслей, анализъ котораго мы воспроизведемъ передъ вами. Для сущности дѣла намъ нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ театральнымъ, поражающимъ зрителей, формамъ опытовъ, бѣганія, исканія запрятанной вещи, ѣзды въ экипажѣ съ цѣлью отысканія далеко въ городѣ запрятаннаго кинжала или домовой книги въ дворницкой того или другого дома въ Петербургѣ. Все это—лишь пустыя формы одного и того же въ сущности вопроса отгадыванія задуманной вещи и тѣмъ неудобны для выясненія истины, что въ нихъ контроль общенія между индукторомъ и чтецомъ, вслѣдствіе порывистости и скорости движеній того и другого, ускользаетъ отъ глазъ наблюдателя. Мы уже говорили, что при этомъ бессознательные толчки, влеченія, задержанія со стороны индуктора бываютъ несравненно сильнѣе выра-

жены и легче ускользаютъ отъ его вниманія, нежели при спокойномъ его состояніи.

Поэтому, сущность дѣла вовсе не страдаетъ, а наоборотъ выиграетъ, если мы сведемъ опыты угадыванія мыслей къ ихъ наипростѣйшей и доступной контролю формѣ.

Опытный чтець мыслей сажается за столъ, на которомъ лежатъ разнообразныя вещи; тутъ же на столѣ стоятъ подставки, на различныхъ высотахъ которыхъ повѣшены другія вещи; притомъ, всѣ эти предметы расположены такъ, что находятся въ районѣ движенія *левой* руки чтеца мыслей. Кисть же его *правой* руки вкладывается въ аппаратъ, описанный нами выше (рис. 6), и устанавливается въ немъ такъ, чтобы пуговицы четырехъ полыхъ гуттаперчевыхъ подушечекъ упирались въ нее сверху, снизу и сбоковъ. Предплечіе же и часть плеча неподвижно укрѣпляются подложенными подъ нихъ простыми подушками. Индукторъ беретъ снизу своей правой рукой правую же руку чтеца на границѣ между предплечіемъ и кистью, но для того, чтобы уловить возможныя, безсознательныя надавливанія его пальцевъ, обхватывающихъ руку чтеца, между ними и этой послѣдней вложены еще двѣ плоскихъ гуттаперчевыхъ полыхъ подушечки, соединенныхъ при посредствѣ резиновыхъ трубокъ съ отдѣльными двумя, описанными нами выше, рычажными полиграфами. Такимъ образомъ, наблюдатель имѣетъ предъ собой шесть контрольныхъ рычаговъ, по движенію которыхъ онъ точно можетъ слѣдить за движеніями правыхъ рукъ какъ индуктора, такъ и

чтеца. Движенія эти записываются или на закопченномъ вращающемся барабанѣ или проецируются на экранѣ при помощи волшебнаго фонаря. Установивъ такимъ образомъ опытъ, индукторъ задумываетъ опредѣленную вещь, лежащую на столѣ или висящую надъ нимъ. Чтецу же предоставляется, при закрытыхъ глазахъ и заткнутыхъ ватой ушахъ, отыскать *левой* рукой задуманную вещь. Во все время опыта индукторъ слѣдитъ за движеніемъ отыскивающей руки чтеца.

Господинъ Е., любезно предложившій мнѣ свои услуги, хотя и не профессиональный чтець, но продѣлываетъ не хуже послѣднихъ всѣ обычные при этомъ опыты, какъ при непосредственномъ прикосновеніи къ нему индуктора, такъ и черезъ цѣпочку. Въ справедливости сказаннаго каждый изъ васъ легко можетъ убѣдиться, продѣлавъ съ нимъ соответствующіе опыты. Съ нимъ и будемъ производить мы опыты при помощи нашихъ контрольныхъ аппаратовъ. Итакъ, правая рука его въ аппаратѣ (рис. 6), лѣвой рукой онъ ищетъ задуманную вещь въ то время, какъ индукторъ держитъ его правую руку вышеописаннымъ способомъ. До начала задумыванія вещи, когда чтець и индукторъ находятся въ индифферентномъ, такъ сказать состояніи, вы видите на экранѣ слабыя, беспорядочныя колебанія то того, то другого рычажка полиграфовъ, соответствующія произвольнымъ дрожаніямъ рукъ того и другого; эти колебанія ничуть не изменяютъ своего характера при пробныхъ безцѣльныхъ движеніяхъ *левой* руки чтеца.

Картина эта, однако, рѣзко измѣняется, какъ только начинается самый опытъ задумыванія и угадыванія намѣченной вещи. Беспорядочныя, слабыя движенія рычаговъ уступаютъ теперь мѣсто другимъ, болѣе обширнымъ правильнымъ поднятіямъ то верхняго, то нижняго, то праваго, то лѣваго рычага полиграфовъ, смотря по тому, въ какомъ направленіи должна двигаться лѣвая рука чтеца, чтобы достигнуть намѣченнаго предмета. Допустимъ, что лѣвая ищущая рука чтеца находится черезчуръ вправо отъ задуманнаго предмета и продолжаетъ двигаться въ ненадлежащемъ направленіи; легко замѣтить, что индукторъ невольно толкаетъ правую руку чтеца, до которой онъ касается, влево, о чемъ свидѣтельствуетъ поднятіе лѣваго рычага; лежитъ намѣченная вещь вверху— дѣятельно начинаетъ подниматься верхній рычагъ, и такъ для всевозможныхъ направленій. Находкѣ задуманной вещи соотвѣтствуетъ нерѣдко сильное внезапное приподнятіе того или другого рычага съ быстрымъ послѣдующимъ его опусканіемъ, указывающимъ на невольный мгновенный толчокъ, производимый индукторомъ на правую руку чтеца. При такой постановкѣ опыта, нашъ чтецъ мыслей въ громадномъ большинствѣ случаевъ угадываетъ задуманную вещь. Не то вовсе получаете, однако, когда вы просите индуктора, во время задумыванія, слѣдить за движеніями своей руки и по возможности держать ее въ покоѣ. Многіе индукторы бываютъ способны совладать съ своими идеомоторными движеніями и доводятъ ихъ до весьма малыхъ размѣровъ, какъ на это указываютъ

контрольные рычаги, и при этом угадыванія задуманной вещи почти никогда не происходитъ.

Эта постановка опыта допускаетъ, однако, слѣдующее возраженіе. Можно сказать, что индукторъ, обязанный слѣдить и за своими идеомоторными движеніями, не въ состояніи въ то же время сосредоточенно думать о загаданномъ предметѣ и не можетъ вліять поэтому всей своей психической силой на угадывающаго чтеца. Возраженіе это, къ счастью, весьма легко устраняется введеніемъ въ опытъ въ качествѣ индуктора такого лица, у котораго крайне слабо развиты невольныя, идеомоторныя движенія. Производи съ нимъ опытъ въ вышеуказанной формѣ, легко можно видѣть, что контрольные рычаги, кромѣ слабыхъ дрожательныхъ колебаній, не производятъ при самомъ сильномъ сосредоточиваніи вниманія его на задуманномъ предметѣ никакихъ другихъ правильныхъ болѣе сильныхъ движеній и въ результатѣ опытъ угадыванія всегда оканчивается неудачей, и съ такими плохими индукторами чтецы вообще, и нашъ въ частности, наотрѣзъ отказываются угадывать что либо. Въ моемъ распоряженіи находятся два такихъ плохихъ индуктора съ крайне слабо развитыми идеомоторными движеніями и съ ними опыты угадыванія мыслей никогда не удаются.

Эти неудачные опыты угадыванія съ плохими индукторами, не сопровождающіеся правильными и рѣзкими колебаніями контрольныхъ рычаговъ, важны еще какъ доказательство того, что въ удачныхъ опытахъ съ хорошими индукторами, движеніе рычаговъ обу-

словливается активными идеомоторными движениями индукторовъ, которымъ пассивно повинуетъ кисть чтеца, вложенная въ аппаратъ.

Заключение изъ этихъ опытовъ очевидно: невольнымъ, нѣмымъ языкомъ общенія между чтецомъ и индукторомъ является сфера бессознательныхъ идеомоторныхъ движеній послѣдняго, и заключение это тѣмъ болѣе обязательно и для всѣхъ остальныхъ болѣе сложныхъ формъ угадыванія мыслей, когда чтецъ держа индуктора за руку, бѣгаетъ съ нимъ по залу или по городу, отыскивая задуманную вещь и т. д., такъ какъ при этомъ идеомоторныя движенія индуктора бываютъ еще болѣе порывистыми и сильными и труднѣе поддаются его контролю.

Намъ слѣдуетъ обратиться теперь ко второй болѣе трудной формѣ угадыванія задуманнаго предмета, а именно, когда индукторъ бываетъ связанъ съ чтецомъ при помощи цѣпочки. Здѣсь я прибѣгъ къ другой формѣ обнаруженія невольныхъ толчковъ, влеченій, передаваемыхъ чрезъ цѣпочку, а именно къ слѣдующаго рода крайне чувствительному приспособленію (рис. 9).

Цѣпочка *e*, одинъ конецъ которой находится у чтеца, а другой въ рукахъ индуктора, перекинута чрезъ длинный подвижной горизонтальный рычагъ *a*, который слѣдуетъ за малѣйшими движеніями цѣпочки. Металлическій конецъ этого рычага въ видѣ перышка скользитъ по горизонтальной пластинкѣ изъ угля *b*, и играетъ вмѣстѣ съ нею роль микрофона. Электрическій токъ отъ гальваническаго элемента *F'* проводится чрезъ эту пластинку, отсюда переходитъ на

металлическій конецъ рычага и чрезъ проволоку достигаетъ до телефона *T*, связаннаго съ другимъ полюсомъ того же элемента. Пока рычагъ спокоенъ, до тѣхъ поръ въ телефонѣ нѣтъ звука; стоитъ рычагу, однако, еле-еле передвинуться на пластинкѣ или изменить степень надавливанія на нее, какъ въ телефонѣ, вслѣдствіе колебанія силы тока, раздается звукъ на всю залу.

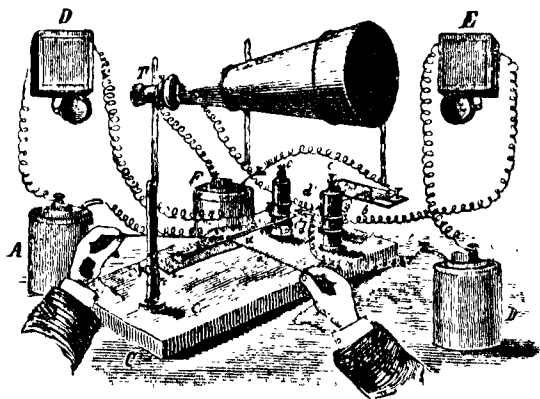

Рис. 9.

Для того, однако, чтобы уловить болѣе рѣзкія колебанія рычага, съ боковъ его придѣланы металлическіе штифтики *d* и *d'*, которые, въ случаѣ прикасанія до металлическихъ столбиковъ *c* и *c'*, стоящихъ справа и слѣва отъ рычага, замыкаютъ два отдѣльныхъ тока отъ элементовъ *A* и *B* и звонятъ въ электрическіе звонки *D* и *E*. Изъ расположенія, указаннаго на рис. 4, очевидно, что если рычагъ передвинется влѣво

то звонить лѣвый колокольчикъ, если же вправо—то правый колокольчикъ. И такъ, вы можете точно слѣдить за состояніемъ рычага, черезъ который перекинута цѣпь; малѣйшія движенія цѣпочки обнаружатся въ формѣ телефоническихъ звуковъ, а болѣе рѣзкія— звономъ колокольчиковъ.

Опытъ производится въ слѣдующей формѣ: весь рычажный аппаратъ съ цѣпочкой устанавливается на столѣ, на лѣвой половинѣ котораго разбросаны различные предметы, подлежащіе и угадыванію. Предметы эти, при сидячемъ положеніи чтеца, должны находиться въ районѣ движенія его лѣвой руки. Правой рукой ¹⁾ онъ беретъ одинъ конецъ цѣпочки, другой конецъ которой находится въ правой рукѣ индуктора. Цѣпочка *e* натягивается и устанавливается такъ, чтобы связанный съ нею рычагъ *a* занималъ среднее положеніе между столбиками *c* и *c'*. У чтеца при этомъ прикрыты глаза и заткнуты уши; индукторъ же слѣдитъ за движеніями ищущей лѣвой руки чтеца. При индифферентномъ состояніи того и другого слышится по временамъ только слабый телефоническій звукъ, обусловленный невольнымъ дрожаніемъ рукъ экспериментирующихъ; но какъ только начинается опытъ угадыванія задуманнаго предмета, такъ вскорѣ зала оглашается звуками то праваго, то лѣваго колокольчика и сильными звуками телефона. Очевидно, что цѣпочка пришла въ движеніе и начались нѣмые переговоры въ формѣ подергиваній, вле-

¹⁾ На рис. 9 ошибочно изображена лѣвая рука чтеца вмѣсто правой.

ченій, разслабленій цѣпочки, которые приводятъ почти всегда къ открытію чтецомъ задуманнаго предмета.

Чтобы доказать теперь, что моментами, руководящими чтеца при угадываніи, являются именно эти бессознательныя идео-моторныя подергиванія цѣпочки слѣдуетъ обставить опытъ такъ, чтобы передача ихъ отъ индуктора къ чтецу была бы невозможна. Для этого натянутое состояніе цѣпки замѣняется разслабленнымъ висячимъ положеніемъ ея, и части ея, ле-

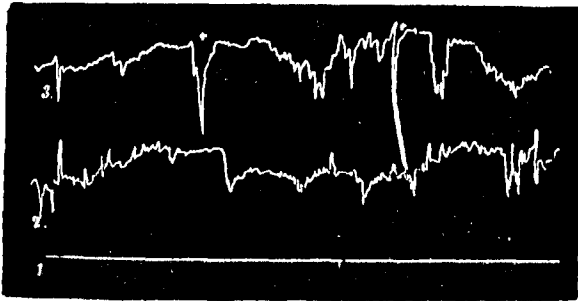

Рис. 10

жація съ той и другой стороны рычага *a*, укладываются на подставки. При такихъ условіяхъ опыта, какъ бы долго индукторъ и чтець ни держали цѣпочку *e*, ни въ телефонѣ ни въ звонкахъ не слышно ни малѣйшаго звука, и угадыванія никогда не происходятъ, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ чисто случайныхъ совпаденій.

Можно воспользоваться этимъ же аппаратомъ и для графическаго изображенія этихъ дрожаній и подерги-

ваній цѣпочки, удаливъ угольную пластинку *b* и поставивъ вмѣсто нея закопчѣнный горизонтально вращающійся барабанъ, на которомъ чертитъ металлическій конецъ рычага *e*. Привожу здѣсь кривыя, полученные этимъ путемъ (рис. 10).

При кривой № 1, цѣпочка висѣла и была подперта подставками; рычагъ записалъ *прямую* линію и, слѣдовательно, находился въ полномъ покоѣ. Угадываніе ни разу не удалось.

При кривой № 2, цѣпочка была натянута, но индукторъ стремился по возможности не выдать себя и строго контролировалъ движенія своей руки; не смотря на это, зубчатый и волнообразный видъ кривой, доказываетъ, что рука его дрожала и производила подергиванія, которыя, однако, были не настолько сильны, чтобы вызвать угадываніе; и въ этомъ случаѣ опытъ окончился неудачей.

При кривой же № 3, когда индукторъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности и всецѣло сосредоточивалъ свое вниманіе на двухъ послѣдовательно задуманныхъ имъ предметахъ, угадываніе произошло дважды и какъ разъ въ тѣ моменты кривой, противу которыхъ поставлены на рисункѣ крестики. Какъ разъ въ этихъ мѣстахъ и совершилось самое сильное вздрагиваніе цѣпочки.

Дѣло, очевидно, не требуетъ особыхъ комментарій. Неизмѣнно отрицательные результаты, получаемые при покойномъ состояніи прикасающихся рукъ и цѣпочки надѣюсь, ясно доказываютъ вамъ, что читаются вовсе не мысли, а лишь невольныя движенія, производимыя

индукторомъ безсознательно; исключите эти послѣднія, и никакого угадыванія задуманнаго предмета не происходитъ, такъ какъ чтець бываетъ при этомъ лишенъ всякаго общенія съ индукторомъ и не имѣетъ никакихъ другихъ руководящихъ моментовъ для достиженія поставленной цѣли.

Если бы цѣпочка была нужна для проведенія особой невидимой психической силы отъ индуктора къ чтецу, то нѣтъ никакого основанія не проходить ей и въ случаѣ, когда цѣпочка бываетъ совершенно спокойна; покойное состояніе ея должно было бы, наоборотъ, способствовать этому акту, такъ какъ ничто постороннее не нарушало бы его теченія; мы, въ нашемъ приборѣ, устранили даже возможность проникновенія въ цѣпочку сигнальнаго электрическаго тока, рассчитывая на возможность еще такого возраженія, что этотъ токъ въ цѣпочкѣ можетъ мѣшать такъ или иначе прохожденію чрезъ нея особаго психическаго движенія; не смотря на все это оказалось, что угадываніе чрезъ цѣпочку возможно лишь при движеніяхъ, при подергиваніяхъ цѣпочки, производимыхъ безсознательными идеомоторными движеніями индуктора.

То же самое несомнѣнно вѣрно и для случая, когда металлическая цѣпочка замѣняется живой цѣпью изъ нѣсколькихъ людей, ничего не знающихъ о задуманномъ и только связывающихъ индуктора съ чтецомъ. Если опытъ производится при совершенно закрытыхъ глазахъ чтеца, при заткнутыхъ ушахъ его и на полу, покрытомъ мягкимъ ковромъ, съ цѣлью устраненія шума, то чтець очевидно можетъ руководиться при

этомъ только бессознательными идеомоторными влеченіями, сопротивленіями, толчками, оказываемыми рукой индуктора и передаваемыми чтецу чрезъ цѣпь живыхъ людей.

Эти промежуточные люди сами невольно поддаются, не замѣчая того, этимъ двигательнымъ импульсамъ индуктора, дѣйствующимъ на нихъ отчасти механически, а отчасти и отраженнымъ путемъ (съ одной руки на другую) и такимъ образомъ доводятъ до чтеца тѣ же качественно двигательные знаки индуктора, которые необходимы ему для угодыванія. Исключите эти толчки, влеченія, и т. д., и угадываніе дѣлается рѣшительно невозможнымъ.

Въ этомъ я убѣдился, произведя опытъ въ слѣдующей формѣ: въ цѣпь между индукторомъ и чтецомъ введены два лица. Лѣвая рука индуктора лежитъ на горизонтальной неподвижной подставкѣ, къ которой она прикрѣпляется бинтомъ для устраненія ея движеній; на обнаженную часть этой руки индуктора кладетъ свою правую руку первое лицо цѣпи, а другой рукой соединяется со вторымъ лицомъ цѣпи, связаннымъ въ свою очередь съ чтецомъ. Чтець стоитъ передъ столомъ съ разложенными на немъ вещами, подлежащими угадыванію; уши чтеца заткнуты ватой, глаза его перевязаны платкомъ. Два лица включенныхъ въ цѣпь, вовсе не знаютъ задуманнаго индукторомъ предмета. Угадыванія при этомъ никогда не происходитъ. Тотъ же отрицательный результатъ получается и въ томъ случаѣ, когда рука второго лица цѣпи, касающаяся до чтеца, неподвижно укрѣп-

лена на горизонтальной подставкѣ: при этомъ уже всѣ лица, участвующія въ опытѣ, за исключеніемъ конечно чтеца, могутъ знать о задуманномъ и тѣмъ не менѣе угадыванія не происходитъ. Выводъ очевиденъ: какъ только устранена возможность передачи двигательныхъ импульсовъ отъ индуктора къ чтецу черезъ рядъ живыхъ лицъ цѣпи, такъ угадываніе дѣлается немислимымъ.

Лишнее, конечно, добавлять, что тотъ же опытъ, производимый безъ фиксированія руки, давалъ весьма часто положительные результаты, и предметъ быстро отгадывался.

Очевидно, что если подергиванія, толчки, и т. д., необходимы для угадыванія вещей, лежащихъ тутъ же подъ рукой у чтеца, то само собою разумѣется, что они тѣмъ болѣе необходимы и при болѣе сложныхъ опытахъ угадыванія, носящихъ болѣе театральннй характеръ, т. е. при нахожденіи опредѣленной буквы на извѣстной страницѣ, при отгадываніи задуманныхъ чиселъ, словъ или мелодій. Во всѣхъ случаяхъ самъ индукторъ, не сознавая того, водить руку чтеца, или непосредственно или черезъ цѣпочку, влечетъ ее болѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую, сопротивляется однимъ движеніямъ чтеца и способствуетъ другимъ, ведущимъ къ цѣли и, наконецъ, приостанавливаетъ эти движенія или даетъ невольный толчокъ, когда чтець находится у самой цѣли. Записать эти невольныя движенія, конечно, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они осложняются при этихъ формахъ опыта болѣе общими и сильными движеніями

цѣлаго тѣла. Да, впрочемъ, для сути дѣла нѣтъ никакой необходимости въ записываніи этихъ бессознательныхъ мелкихъ подергиваній, толчковъ, задержекъ, имѣющихъ мѣсто при болѣе сложныхъ театральныхъ опытахъ.

Если опыты угадыванія въ той наиболѣе простѣйшей формѣ, въ какой они были описаны теперь, нуждаются для своего выполненія въ ясно констатированныхъ нами толчкахъ, то само собою разумѣется, что опыты того же рода, но болѣе сложные по задуманной цѣли, тѣмъ болѣе не могутъ обойтись безъ бессознательныхъ движеній индуктора. Это положеніе является неотразимымъ требованіемъ логики.

Поэтому, всякіе сложные съ виду опыты угадыванія мыслей не представляютъ вовсе серьезнаго объекта для научныхъ изслѣдованій, а являются просто предметомъ забавы, предметомъ развлечения для зрителей. Изъ нихъ наука ничего не вынесетъ новаго, поучительнаго для себя, и поэтому они должны быть скорѣе отнесены къ области театральныхъ развлеченій, чѣмъ къ темамъ, заслуживающимъ серьезной научной разработки.

Природа этихъ явленій угадыванія мыслей не представляетъ для насъ въ настоящее время ничего таинственнаго, ничего загадочнаго и въ какой бы формѣ ни производились они, вездѣ въ основѣ общенія между чтецомъ и индукторомъ лежатъ идеомоторныя бессознательныя движенія, производимыя индукторомъ и руководящія движеніями чтеца.

Выводъ этотъ подкрѣпляется еще и личными показаніями самихъ чтецовъ мыслей; такъ, Броунъ от-

крывшій чтение мыслей, откровенно заявлялъ, что онъ во время сеанса чтения ощущаетъ толчки, влеченія, сопротивленія со стороны индуктора, руководясь которыми онъ добирается до цѣли, т. е. до мѣста, гдѣ лежитъ та или другая вещь. Въ случаѣ отсутствія этихъ ощущеній, онъ не въ состоянїи никогда выполнить задуманной задачи.

Бишопъ въ комиссіи лондонскихъ ученыхъ, не отвергая возможности подобнаго рода факта, заявилъ, что если онъ и руководится этими ощущеніями, то совершенно безсознательно: онъ сознаетъ только особое состояніе, *rêverie*, при которомъ онъ находится подъ вліяніемъ особыхъ впечатлѣній, рождающихся въ немъ подъ вліяніемъ индуктора. Возможно, что заявленіе его и вѣрно для него самого, такъ какъ легко допустить, что его *rêverie* есть въ сущности состояніе помраченнаго сознанія, зависящее отъ сосредоточиванія вниманія въ одномъ только направленіи; въ такомъ случаѣ ему трудно бываетъ потомъ дать ясный отчетъ объ ощущеніяхъ, руководящихъ имъ во время самаго сеанса чтения мыслей.

Я, съ своей стороны, могу сослаться на показанія, данныя мнѣ нѣсколькими очень ловкими чтецами мыслей, а именно, что они руководятся при угадываніи мыслей именно ощущеніями, возникающими у нихъ въ кожныхъ и мышечной системѣ подъ вліяніемъ влеченія, сопротивленія, толчковъ, оказываемыхъ на нихъ индукторомъ.

Разъ индукторъ не оказываетъ на нихъ подобнаго рода дѣйствій, они наотрѣзъ отказываются отъ угадыванія его мыслей.

Итакъ, все говорить въ пользу того, что читаются вовсе не мысли, а только безсознательныя движенія индуктора, пониманіе и вѣрное истолкованіе которыхъ требуетъ извѣстнаго навыка. Поразительнымъ въ этихъ опытахъ является иногда та быстрота, съ которой выполняются подобнаго рода угадыванія, руководясь одними только кожными ощущеніями и мышечнымъ чувствомъ. Впрочемъ, до чего человѣкъ ни доходитъ путемъ упражненія!

Для примѣра напомнимъ вамъ, до какой высокой степени развиваются слухъ, осязаніе и мышечное чувство у нѣкоторыхъ слѣпыхъ. Они могутъ при полной слѣпотѣ, свободно двигаться по комнатамъ, уставленнымъ мебелью, и по неровнымъ дорогамъ, вовсе не спотыкаясь; они способны бываютъ быстро читать, проводя пальцами по мелкому выпуклому шрифту своихъ книгъ, и т. д.; благодаря особому развитію слуха, они по звуку шаговъ узнаютъ знакомыхъ имъ лицъ среди шума многолюдной толпы и точно опредѣляютъ появленіе незнакомаго человѣка по звуку новой незнакомой имъ походки, и т. д. Особенный интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи еще слѣдующіе факты.

Giovani Gonelli ослѣпъ 20 лѣтъ, а будучи 30 лѣтъ у него явилось желаніе заняться скульптурой. Ему дали мраморную статую *Cosmo de Medicis* и онъ вылѣпилъ изъ глины, руководясь однимъ только осязаніемъ и мышечнымъ чувствомъ, совершенно схожую статую. Онъ сдѣлалъ кромѣ того статую папы Урбана VIII и герцога Браккіано и его дочери и притомъ былъ засаженъ во время работы въ темную

комнату для того, чтобы убѣдить другихъ въ томъ, что онъ пользуется при этомъ однимъ только осязаніемъ. Извѣстны также примѣры слѣпыхъ ботаниковъ и зоологовъ, которые, руководясь одними только кожными ощущеніями, могли опредѣлять видъ и родъ находимыхъ растений или раковинъ.

Очевидно, что всякое усиленное упражненіе нашихъ чувствъ ведетъ къ усиленному ихъ развитію и совершенствованію, и въ этомъ отношеніи упражняющіеся чтецы мыслей подчиняются тому же общему закону. Изучая языкъ нашихъ нѣмыхъ идеомоторныхъ движеній, они вскорѣ начинаютъ понимать его и по малѣйшему толчку, влеченію, сопротивленію узнаютъ, куда имъ слѣдуетъ двинуться, гдѣ остановиться и т. д., чтобы достигнуть задуманной индукторомъ цѣли. Неудивительно, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго упражненія они достигаютъ такого совершенства, что могутъ удивлять своимъ искусствомъ толпу любопытныхъ зрителей, вводимую ими въ невольный самообманъ.

Что же остается сказать намъ послѣ всего этого о третьей, наиболѣе трудной, формѣ чтенія мыслей, а именно о чтеніи на разстояніи (*à distance*). Если при первыхъ разобранныхъ нами двухъ формахъ, а именно, при прикосновеніи или при связи черезъ цѣпочку, безсознательныя движенія индуктора являются средствомъ общенія между нимъ и чтецомъ, то какъ же понять возможность угадыванія на разстояніи, когда толчки и движенія индуктора вовсе не въ состояніи передаваться чтецу?

На этихъ опытахъ намъ придется остановиться весьма недолго, и это на слѣдующемъ основаніи.

Во-первыхъ, опыты съ этимъ безмолвнымъ внушеніемъ нормальнымъ людямъ мыслей на разстояніи, предпринятыя Шарлемъ Рише и которыми авторъ этотъ желалъ доказать, что задуманное слово или число, карта или вещь, могутъ быть до нѣкоторой степени угаданы на разстояніи другимъ лицомъ, являющимся въ качествѣ чтеца, оказались совершенно ошибочными. Прейеръ точнымъ сопоставленіемъ числа удачныхъ и неудачныхъ случаевъ доказалъ, что число первыхъ вовсе не превосходитъ того, которое можетъ получиться вслѣдствіе простого, случайнаго совпаденія и тѣмъ самымъ выяснилъ, что авторъ, увлекшись предвзятой идеей, впалъ въ ошибку. Считаая излишнимъ заниматься здѣсь этой простой и скучной ариметической работой, я отсылаю желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ къ брошюрѣ самого Прейера ¹⁾).

Во-вторыхъ, опыты подобнаго рода, производимые ловкими чтецами, удаются сравнительно рѣдко и при слѣдующихъ непремѣнно условіяхъ: задуманное должно непремѣнно состоять, какъ и при предыдущихъ формахъ опыта чтенія мыслей, изъ ряда двигательныхъ представленій, т. е. изъ ряда дѣйствій, движеній, которыя долженъ выполнить угадыватель, т. е. найти, взять, поставить, и т. д. Никакая самая простѣйшая отвлеченная мысль не можетъ быть угадана.

¹⁾ *Preyer*, „Die Erklärung des Gedankenlesen“.

Индукторъ обыкновенно слѣдуетъ за чтецомъ, т. е. позади его, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, а чтець при этомъ пользуется, главнымъ образомъ, зрѣніемъ и слухомъ, чтобы зорко слѣдить за индукторомъ: за движеніемъ его глазъ, за выраженіемъ его лица, за движеніемъ его губъ, за поворотами его тѣла, за звукомъ его шаговъ, за малѣйшими измѣненіями въ походкѣ, т. е. въ направленіи шаговъ, а также и въ характерѣ самого звука ихъ. Съ этою цѣлью чтець, отъ времени до времени, оборачивается къ своему индуктору, прислушивается къ звукамъ его шаговъ, и т. д.

Индукторъ невольно выдаетъ при этомъ идеомоторными движеніями своихъ глазъ, движеніемъ губъ, поворотомъ тѣла, движеніемъ ногъ, и т. д., направленіе, въ которомъ лежитъ задуманная вещь, и при приближеніи чтеца къ задуманной цѣли, поражаясь достиженіемъ ея, выдаетъ свое внутреннее волненіе особымъ выраженіемъ лица, измѣненіемъ дыханія, и т. д. Все это не ускользаетъ отъ зоркихъ глазъ чтеца и отъ тонкаго, привычнаго слуха его, и такимъ образомъ онъ добирается мало-по-малу до задуманной цѣли.

При этомъ угадываніи на разстояніи вмѣсто безсознательныхъ толчковъ, влеченій, сопротивленія, и т. д., чтець руководится другими только что указанными моментами, возникающими у индуктора такъ же невольно, какъ и прежнія идеомоторныя движенія рукъ, подъ вліяніемъ господствующаго у него двигательнаго представленія; думая о вещи, лежащей вправо, глаза его, какъ мы говорили, невольно поворачиваются слегка

вправо, и не только глаза, но и голова и туловище, и т. д. Если задуманная вещь лежит позади, а чтець направляется впередъ, то походка индуктора является нерѣшительной, съ запинками, какъ бы сопротивляющейся, неодобрительной, и наоборотъ, при движеніи въ надлежащемъ направленіи, походка индуктора является рѣшительной свободной, какъ бы одобрительной, и т. д. Мы видѣли выше, какъ слѣпые могутъ точно узнавать знакомыхъ и незнакомыхъ имъ лицъ, руководясь только звуками походки; они не ошибаются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда знакомое имъ лицо нарочно измѣняетъ свою походку, чтобы ввести ихъ въ обманъ. Что же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что напрактиковавшійся чтець можетъ пользоваться различнымъ характеромъ звука шаговъ своего индуктора для того, чтобы угадывать направленіе, въ которомъ ему слѣдуетъ идти для достиженія задуманной цѣли. Всему этому содѣйствуетъ еще то, что нѣкоторые чтецы мыслей во время того возбужденія, которое сопровождаетъ обыкновенно производство подобнаго рода опытовъ, обнаруживаютъ повышенную воспріимчивость слуха, зрѣнія и другихъ чувствъ. Согласно съ этимъ, опыты угадыванія на разстояніи производятся чтецомъ послѣ остальныхъ опытовъ, когда онъ приходитъ въ состояніе максимальнаго возбужденія.

Изъ всего этого съ очевидностью вытекаетъ та обстановка опыта, при которой немислимо никакое угадываніе на разстояніи. Уши чтеца должны быть наглухо заткнуты; съ височной стороны cadaго глаза должны

быть прикрѣплены непрозрачныя, хотя бы папковыя ширмы, выдающіяся впередъ на столько, чтобы онѣ исключали всякую возможность *бокового зрѣнія*; всякое оборачиваніе чтеца назадъ въ сторону индуктора должно быть строго воспрещено. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить какъ *необходимое* условіе, что полъ комнаты, въ которой производится опытъ, долженъ быть покрытъ мягкимъ ковромъ, и обувь индуктора должна быть мягкая—безъ каблуковъ; эта послѣдняя предосторожность необходима для того, чтобы исключить сотрясеніе пола и звукъ шаговъ, которые могли бы доноситься до внутренняго уха чрезъ кости и дѣйствовать на чувствующую поверхность кожи чтеца. Фактъ проведенія болѣе или менѣ сильныхъ звуковъ до внутренняго уха и помимо наружнаго слухового прохода извѣстенъ, конечно, каждому. Что же касается до возможности возбужденія кожи легкими сотрясеніями воздуха и даже звуковыми колебаніями, то фактъ этотъ съ чрезвычайной ясностью можно наблюдать на примѣрѣ на *обезглавленной* уткѣ, которая несомнѣнно неспособна ничего слышать. Стоитъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ нея топнуть ногой или затрубить въ рогъ, какъ она тотчасъ же начнетъ производить плавательныя или летательныя движенія, и наоборотъ, если она находится въ движеніи, тѣ же звуковыя раздраженія приводятъ ее въ покой.

Такъ высока бываетъ воспримчивость кожи къ воздушнымъ колебаніямъ и фактъ этотъ долженъ быть принятъ въ расчетъ при опытахъ угадыванія *à distance*, такъ какъ возбудимость кожи у нѣкоторыхъ

чтецовъ бываетъ въ это время въ высокой степени повышена.

Обставьте опыты чтенія на разстояніи всѣми указанными только что условіями, и ручаюсь, что во всемъ мірѣ не найдется ни одного чтеца, который бы рѣшился при этомъ угадать хотя бы самую простѣйшую мысль.

Удачные же случаи чтенія на разстояніи, мыслимые только при несоблюденіи хотя бы одного изъ указанныхъ здѣсь условій, ровно ничего не доказываютъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ опытахъ угадыванія на разстояніи все дѣло сводится не на угадываніе мыслей, а на улавливаніе чтецомъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которыми выражаются у индуктора задуманныя двигательныя представленія, и вѣрность этого заключенія подтвердилась еще личнымъ признаніемъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, одного профессиональнаго чтеца мыслей, умѣющаго угадывать на разстояніи.

Допустимъ, скажете вы, что все это вѣрно; какъ же понять тогда, что чтець мыслей въ состояніи пройти или пробѣжаться какъ разъ по тѣмъ ходамъ и мѣстамъ, по которымъ передъ тѣмъ и при полномъ отсутствіи чтеца прошелся его индукторъ; вѣдь въ данномъ случаѣ чтець совершаетъ все это уже вовсе безъ всякаго руководства индуктора, сидящаго при этомъ въ сторонѣ. Положимъ, что это въ самомъ дѣлѣ фактъ, фактъ вѣрный, полученный безъ всякой мистификаціи или обмана публики. Что же изъ него слѣдуетъ? Правда, отгадыватель не можетъ руководство-

ваться при этомъ ни своимъ осязаниемъ, ни зрѣніемъ, ни слухомъ, но у него все же остается въ распоряженіи еще обоняніе; обоняніе, утверждаемъ мы, и является для него руководящимъ моментомъ. Каждый человѣкъ имѣетъ свой своеобразный, свойственный ему запахъ: вѣдь только благодаря ему каждая собака можетъ отыскать въ многолюдномъ городѣ своего хозяина; собака, потерявшая своего хозяина и попавшая на его слѣдъ, непременно пройдетъ по тѣмъ же мѣстамъ, по которымъ передъ тѣмъ проходилъ или проѣзжалъ ея хозяинъ. Мы утверждаемъ, что то же происходитъ и чтецъ мыслей при угадываніи пути, по которому передъ тѣмъ прошелся его индукторъ—онъ руководится при этомъ обоняніемъ.

Подобное утвержденіе, быть можетъ, поражаетъ васъ своей несообразностью, такъ какъ обыкновенный человѣкъ не обладаетъ, какъ извѣстно, такимъ тонкимъ обоняніемъ какъ собака. На подобнаго рода сомнѣніе мнѣ остается отвѣтить только твердо установленными фактами.

Во-первыхъ, вы помните, что нѣкоторые люди въ состояніи возбужденія, а именно въ начальныхъ фазахъ гипноза, не сопровождающихся потерей сознанія, способны, руководясь обоняніемъ, находить съ завязанными глазами извѣстное имъ лицо среди многочисленнаго собранія и передавать принадлежащія ему вещи.

Во-вторыхъ, многіе дикари, руководясь обоняніемъ, узнаютъ слѣдъ, по которому прошелся тотъ или другой знакомый имъ человѣкъ.

Въ-третьихъ, и на что я особенно обращаю ваше вниманіе, въ медицинской литературѣ имѣется указаніе, крайне драгоцѣнное въ этомъ отношеніи.

Эберсъ описываетъ случай весьма повышенной обонятельной чувствительности у одного человѣка, славившагося за „вынюхивателя воровъ“. Онъ узнавалъ воровъ, обнюхивая мѣсто, гдѣ лежала украденная вещь и различныхъ людей. Приведу примѣръ: у нѣкогого господина украли деньги; призванный вынюхиватель воровъ обнюхалъ всѣхъ людей, всѣ комнаты въ домѣ, потомъ пошелъ на дворъ и въ конюшнѣ нашелъ деньги, и по запаху ихъ заявилъ, что ихъ украдала дочь хозяина, что и подтвердилось. Открывъ такимъ образомъ своимъ обоняніемъ массу воровъ, онъ возбудилъ негодованіе ихъ, и они, подкарауливъ его, проломили ему черепъ. Случай этотъ и сталъ такимъ образомъ предметомъ судебно-медицинскаго изслѣдованія, которое раскрыло, что человѣкъ этотъ находилъ воровъ, руководясь только однимъ обоняніемъ.

Послѣ сказаннаго становится естественнымъ, что обоняніе можетъ служить руководящимъ моментомъ въ угадываніи чтецомъ и направленія, въ которомъ прошелся передъ тѣмъ индукторъ; и я убѣжденъ, что если заткнуть такому чтецу носъ, то ему никогда не удастся этотъ опытъ. Ждать признанія въ этомъ отношеніи со стороны профессиональнаго чтеца, что онъ руководится именно этими ощущеніями, конечно, нельзя, такъ какъ онъ, открывъ свой секретъ, лишился бы своего заработка.

Есть еще одна форма угадыванія на разстояніи

удающаяся иногда и поражающая легковѣрнаго зрителя. Чтець садится возлѣ индуктора и, не прикасаясь къ нему, предлагаетъ ему задумать какой-нибудь планъ дѣйствія, состоящій въ томъ, что чтець долженъ выйти въ ту или другую комнату, взять опредѣленную вещь, принести или передать ее, и т. д. и т. д. На чемъ же тутъ можетъ основываться угадываніе?

Отвѣтить на это уже очень легко, опираясь на всю сумму приведенныхъ выше фактовъ. Если чтець во время подобнаго опыта вглядывается по временамъ въ своего индуктора, слѣдящаго за его движеніями, то онъ несомнѣнно руководится идеомоторными движеніями глазъ, рукъ, туловища своего индуктора и невольной игрой мимики его лица, одобряющей или порицающей направленія его движеній. Словомъ, основа та же, что и при всякихъ другихъ разобранныхъ нами формахъ угадыванія. Если же чтець мало руководится своими зрительными впечатлѣніями и вполнѣ игнорируетъ ихъ, то онъ несомнѣнно подслушалъ своимъ тонкимъ ухомъ, сидя возлѣ индуктора, невольный шелотъ его, которымъ онъ и выдалъ впередъ задуманный имъ планъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, заткните чтецу накрѣпко уши ватой и устраните у него возможность бокового зрѣнія надлежащими ширмами и никогда никакого угадыванія при этихъ условіяхъ не произойдетъ.

Пора, наконецъ, и кончить со всѣми этими опытами угадыванія мыслей. Изъ анализа ихъ вы, надѣюсь, убѣдились, что они вовсе не представляютъ какого-

либо серьезнаго объекта для научныхъ изслѣдованій, а являются просто предметомъ забавы и развлечения. Тѣшиться, забавляться этими опытами угадыванія весьма естественно въ качествѣ пріятнаго и даже пикантнаго иногда развлечения, и все это для зрителей не представляетъ, конечно, ни малѣйшаго вреда; вовсе не то, однако, какъ только опытамъ этимъ начинаютъ придавать особое quasi—научное значеніе, открывающее будто бы новые горизонты, новыя силы, новыя магнетическія или психическія лучеиспусканія и тому подобное. Тутъ уже грань безвредности переступается, такъ какъ такого рода взглядами, вытекающими изъ невольнаго самообмана, поддерживаются ложные взгляды на явленія природы и укрѣпляется то мистическое настроеніе, которое подтачиваетъ здравый смыслъ человѣка. Послѣ всего этого вы, конечно, согласитесь со мной, что все дѣло объясняется просто и не нуждается пока въ признаніи психическихъ лучеиспусканій, индукцій мысли изъ головы въ голову, и тому подобныхъ гипотезъ, несомнѣстимыхъ съ твердо установленными данными науки.

Нѣтъ! Мысль человѣка составляетъ тайну для другихъ, пока она не выражается какими-нибудь внѣшними проявленіями, и никакому угадывателю въ мірѣ не добраться до нея никогда, разъ человѣкъ пожелаетъ сохранить ее въ тайнѣ. Это есть высшее преимущество человѣка, обезпечивающее его внутреннюю свободу.
